

КИРГИЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

II.

Около половины сентября прошлаго года, мы выѣхали изъ Баянъ-Аула и направились къ Павлограду, переименованному недавно въ городъ изъ казачьей станицы, называвшейся Коряковскою. Переправившись здѣсь на правый берегъ Иртыша, мы распрощались съ областію Сибирскихъ киргизовъ.

Семипалатинская область, въ которой мы теперь находимся, простираясь отъ Тобольской губерніи до Тянь-Шаньскаго хребта, чрезвычайно разнообразна по климатическимъ и геологическимъ своимъ условіямъ. Въ составъ области входятъ мѣстности, гдѣ зимою 30° мороза самое обыкновенное явленіе, и другія, въ которыхъ русскіе колонисты топятъ печи абрикосовыми деревьями. Сѣверная и средняя ея части представляютъ, по преимуществу, ровную и неплодную степь, по сравненію съ которою сѣверная и средняя же части области Сибирскихъ киргизовъ кажутся богатыми странами. За то весь востокъ и югъ Семипалатинской области примыкаютъ къ горнымъ хребтамъ, достигающимъ своими вершинами линіи вѣчныхъ снѣговъ. У подножія этихъ горъ разстилаются равнины, орошаемыя многоводными рѣками, покрытыя богатою и разнообразною растительностію, слѣдовательно способныя къ развитію осѣдой жизни.

Если наружный видъ области Сибирскихъ киргизовъ, вслѣдствіе однообразныхъ свойствъ страны, можно было охарактеризовать въ общихъ чертахъ (какъ я это сдѣлалъ въ январской книгѣ „Военнаго Сборника“ за настоящій годъ), то теперь, чтобы дать понятіе о мѣстности Семипалатинской обла-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 года, № 1.

сти, нужно описывать природу всѣхъ разнообразныхъ странъ, ее составляющихъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію нашего путешествія, я считаю полезнымъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Русская территория въ Азіи стала нашимъ прочнымъ приобретеніемъ послѣ того, какъ началось заложеніе крѣпостей по рѣкѣ Иртышу. Хотя эти крѣпости и были построены для достиженія особыхъ, временныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе онѣ, т. е. крѣпости, прикрыли часть нашей южной сибирской границы отъ хищническихъ набѣговъ среднеазиатскихъ народовъ. По примѣру иртышской оборонительной линіи, укрѣпленія распространились въ одну сторону до оренбургской линіи, въ другую—до границъ Восточной Сибири. Такимъ образомъ, русское населеніе, жившее по обской системѣ, было совершенно обезпечено и получило возможность развиваться естественнымъ путемъ труда и покоя.

Когда укрѣпленныя линіи оренбургская и сибирскія сомкнулись, онѣ охватили съ трехъ сторонъ киргизскій народъ, занимавшій въ то время земли отъ Урала до озера Норъ-Зайсана. Естественнымъ послѣдствіемъ такого очертанія нашей границы было подчиненіе киргизовъ, бывшихъ до тѣхъ поръ бичемъ нашихъ границъ.

Потому приступать къ чтенію чего бы то ни было о Семипалатинской области и, въ то же время, не быть знакомымъ съ постепеннымъ распространеніемъ русскихъ поселеній по Иртышу значитъ желать ознакомиться съ фактомъ и не знать причинъ, произведшихъ этотъ фактъ.

Имѣя въ виду, что между нашею образованною публикою распространено весьма мало свѣдѣній о степяхъ, полагаю нелишнимъ бросить взглядъ на образованіе сибирскихъ оборонительныхъ линій. Это будетъ служить лучшимъ приступомъ къ описанію нашихъ странствованій по Семипалатинской области (*).

(*) Составляя настоящій историческій очеркъ, я пользовался слѣдующими сочиненіями:

- 1) „Извѣстіе о песочномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для оного отпраздненій и о строеніи крѣпостей при р. Иртышѣ.“—„Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію слушающаго“. Января 1760 года. Изданія академіи наукъ.
- 2) „Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ.“ Отца Іакиннова.
- 3) „Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ.“ Н. Нефедьева.
- 4) „Сношенія Россіи съ Хивію и Бухарію при Петрѣ Великомъ.“ А. Н. Попова.
- 5) „Озеро Норъ-Зайсанъ съ его окрестностями.“ Н. Абрамова.

Послѣ завоеванія Западной Сибири, казаки и первые поселенцы стали постепенно распространяться по странѣ, выбирая подѣ жилье мѣста, богатыя звѣринными промыслами. Поднимаясь и спускаясь по рѣкамъ, какъ по единственнымъ путямъ, существовавшимъ тогда въ Сибири, они осѣдали по берегамъ, срубая для своей обороны городокъ, т. е. обнося жилища деревяннымъ тыномъ. Разбросанныя и слабыя племена туземцевъ не могли быть серьезно помѣхою распространенію русской народности въ средней полосѣ Сибири. Приблизившись къ южнымъ предѣламъ нынѣшнихъ Тобольской и Томской губерній, колонисты начали встрѣчать рѣдкія кочевья номадовъ, находившихся въ зависимости отъ калмыковъ; но и они не въ состояніи были сопротивляться русскимъ, почему, при приближеніи ихъ, снимали свои юрты и откочевывали въ глубь страны. У подошвы Алтайскихъ горъ наши поселенцы пришли въ соприкосновеніе съ довольно густымъ населеніемъ калмыковъ, составлявшихъ тогда весьма сильное государство (*). Западнѣе

6) „О состояніи Алтышара или шести западныхъ городовъ Малой Бухаріи.“ Штабсъ-капитана Валиханова.

7) „Областной городъ Семипалатинскъ.“ Н. Абрамова.

8) „Замѣтка объ Иртышѣ и странахъ, имъ орошаемыхъ.“ С. Гулева.

9) „Усть-Каменогорскъ въ 1861 году.“ Н. Абрамова.

Послѣднія шесть статей разбросаны въ періодическихъ изданіяхъ и. р. географическаго общества.

10) „Походъ въ Хиву въ 1717 году“. Д. Голосова. „Военный Сборникъ“ 1861 года, № 10.

11) „Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи.“ П. Семенова.

12) „Землеводіе Азіи.“ Карла Риттера. Переводъ П. Семенова.

13) Рукописная записка неизвѣстнаго автора „О присоединеніи къ Россіи владѣній южной части западной Сибири съ землями, составляющими внутренніе округи Омской области“, составленная большею частью на основаніи документовъ, извлеченныхъ изъ омскаго архива. Записку эту я получилъ въ штабѣ Западно-Сибирскаго военнаго округа. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ и когда она написана, считаю долгомъ отдать справедливость знаніямъ и крайней добросовѣстности автора записки. При составленіи настоящаго историческаго очерка, я пользовался ею въ особенности для періода съ 1721 по 1800 годъ.

(*) Калмыцкимъ ойратствомъ или дербень-ойратствомъ назывался союзъ четырехъ западныхъ монгольскихъ племенъ: зюнгорскаго или джунгарскаго, дурбетскаго, торгоутскаго и хошуутскаго, образовавшійся въ началѣ XIV столѣтія. Слово „дербень“ по-калмыцки значить четыре; „ойратъ“ — союзный, ближній. Русскіе называли ойратовъ калмыками. Неседѣвъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ происхожденіе слова калмыкъ: въ началѣ XVI столѣтія, вслѣдствіе несогласій между ойратами, нѣкоторые поколѣнія, отдѣлившись отъ союза, откочевали къ предѣламъ Томской и Енисейской губерній; поколѣнія сіи, вслѣдствіе очевиднаго негодования ойратовъ, получили отъ нихъ названіе „зметъ“, которое татары на своемъ языкѣ передали русскимъ въ словѣ калмыкъ, ибо какъ зметъ по-монгольски, такъ

Алтая русскіе дошли до кочевьевъ кайсаковъ или, какъ мы ихъ называемъ, киргизовъ. Съ перваго же появленія поселенцевъ на югъ Сибири, среднеазиатскіе народы начали производить разбойническія нападенія на ближайшіе русскіе городки. Руководителями этихъ набѣговъ были ханъ Кучумъ и его наслѣдники, которые удалились, послѣ потери сибирскаго царства, на югъ. Живя среди зюнгоровъ и киргизовъ, они не теряли еще надежды вытѣснить завоевателей за Уралъ и хотя не достигли своей цѣли, тѣмъ не менѣе первые указали дикарямъ путь къ грабежамъ и опустошеніямъ, остановившимъ надолго развитіе Сибири. Чтобы спасти южные городки отъ набѣговъ, сибирское начальство было принуждено провести оборонительную линію укрѣпленій отъ Верхотурскаго городка, у верховій Туры, по рѣкамъ Турь, Тоболу и Иртышу, до Тарской крѣпостцы. Этою линіею часть Западной Сибири, отъ Уральскаго хребта до Барабинской степи, оградилась, на нѣкоторое время, отъ непрерывныхъ набѣговъ среднеазиатскихъ кочевниковъ. Барабинская степь, лежащая восточнѣе Тары, не была занята русскими поселенцами и не прикрывалась съ юга укрѣпленіями, и потому тамошніе туземцы зависѣли на столько же отъ Россіи, на сколько отъ зюнгоровъ. Охваченные съ одной стороны русскимъ населеніемъ, съ другой кочевьями калмыковъ, они платили ясагъ и чиновникамъ, посылаемымъ изъ Тобольска, и зюнгорамъ, пріѣзжавшимъ отъ ойратскихъ хановъ для сбора съ нихъ податей (*). Восточнѣе Барабы русскія укрѣпленія шли отъ Томскаго городка, близъ устья Томи, вверхъ по послѣдней рѣкѣ до Кузнецкаго острога — крайняго укрѣпленнаго пункта на югъ. Сообщение между укрѣпленіями, находившимися на рѣкѣ Томи, и Тарою,

и калмыкъ по-татарски значить: отпавшій, отдѣлившійся или ушедшій. Земли ойратовъ простирались отъ Алтая до степи Гоби и озера Балхаша. Ойратскій союзъ былъ весьма силенъ и дѣлался повременамъ опаснымъ для всѣхъ своихъ сосѣдей. Эпохою наибольшаго могущества ойратовъ нужно считать 1449 годъ, когда глава союза, князь Эсэнъ, побѣдоносно пройди до Пекина, заключилъ здѣсь выгодный для калмыковъ миръ. Впрочемъ, болѣе полусторасти лѣтъ послѣ того калмыки ограничивали свою дѣятельность предѣлами отечества. Ко времени появленія русскихъ близъ границъ Джунгаріи ойраты начинаютъ опять принимать дѣятельное участіе въ среднеазиатскихъ дѣлахъ.

(*) Каждый житель Барабинской степи обязанъ былъ платить калмыкамъ, въ годъ, аймана или ясага: по одной лисицѣ, или по одному рѣчному бобру, или по полукоровѣ ютовой; за неимѣніемъ всего этого, можно было вносить, въ счетъ ясага, двадцать стрѣлъ и пять орлиныхъ крыльевъ на ихъ опушку.

лежащую западнѣе Барабы, производилось чрезвычайно кружнымъ путемъ по Иртышу и Оби.

Сибирскіе воеводы дѣйствовали и дипломатическимъ путемъ, чтобы обезопасить южныя границы. Такъ, въ 1605 году, т. е. на другой годъ послѣ основанія Томска, тамошній воевода Писемскій предложилъ теленгутскому князю Абаку вступить въ русское подданство. Четыре года спустя, Абакъ дѣйствительно прибылъ въ Томское укрѣпленіе и принялъ присягу на вѣрноподданство. Почти въ то же время нѣкоторые калмыцкіе князья прислали въ Томскъ повѣренныхъ просить о подданствѣ и защитѣ противъ своихъ враговъ. Несмотря на то, калмыки, буруты и киргизы продолжали опустошать наши поселенія, разоряя слободы и уводя жителей въ рабство. Въ особенности сильно терпѣли жители юго-западной Сибири отъ калмыковъ-торгоутовъ, перекочевавшихъ, около 1600 года, изъ нынѣшней Джунгаріи къ вершинамъ Тобола, Ишима и Эмбы и грабившихъ нынѣшніе Тарскій и Тюменскій уѣзды. Въ 1635 году тарскій воевода вступилъ въ сношеніе и съ главою калмыцкаго ойратства, Баторомъ-Хонь-Тайцзи, который, черезъ своихъ посланцевъ, сталъ сейчасъ же просить о присылкѣ въ видѣ подарковъ: непроницаемаго панциря, винтовки, свинцу, борововъ, свиней, индѣекъ и постельныхъ собачекъ. Несмотря на то, что ему нѣсколько разъ высылались всѣ означенные предметы, Баторъ-Хонь-Тайцзи объявлялъ претензіи на владѣніе барабинскими татарами и посылалъ къ нимъ за ясакомъ (*).

Для первоначальной колонизаціи Сибири сначала дѣлались наборы въ Европейской Россіи: до такой степени неохотно шли переселенцы въ неизвѣстный край; но когда новопріобрѣтенная страна стала болѣе извѣстна, когда темные и преувеличенные слухи объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ жизнію тамъ, разсѣялись, въ Сибирь стало стекаться большое количество колонистовъ, преимущественно съ сѣверо-двинской системы и изъ городовъ: Кунгура, Перми, Чердыни, Соликамска, Яренска и проч.

(*) Слабая сторона ойратовъ состояла въ отсутствіи органической связи у разныхъ племенъ, составляющихъ союзъ. Баторъ-Хонь-Тайцзи сдѣлалъ весьма много для единства ойратства изданіемъ свода законовъ по дѣламъ военнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Въ 1640 году съездъ калмыцкихъ князей сдѣлалъ эти законы обязательными для всѣхъ ойратовъ. При жданіи Батора-Хонь-Тайцзя разные калмыцкіе роды кохорлы Хужудоръ, Тибетъ, земли по верховьямъ Ишима, Тобола, Эмбы и пространство между Ураломъ и Волгою.

Такъ какъ переселенцамъ былъ предоставленъ свободный выборъ земель для водворенія, то они охотнѣе селились южнѣе пограничной линіи, чѣмъ въ дремучихъ „тайгахъ“, тянувшихся къ сѣверу отъ нея. Такимъ образомъ, русскія слободы стали постепенно двигаться къ югу, въ страны, удобныя для хлѣбопашества, продолжая поддерживать сообщенія съ линіею пограничныхъ укрѣпленій, посредствомъ поселеній, остававшихся сзади. Прибывая въ Сибирь, колонисты отыскивали мѣста и брали билеты на право пользоваться ими; потомъ скликали вольницу и селились на избранныхъ мѣстахъ укрѣпленными слободами. Съ 1639 года, т. е. со времени первой партіи поселенцевъ, переступившей пограничный рубежь, движеніе русскихъ людей къ югу стало непрерывнымъ, такъ что пространство между Курганомъ на Тоболѣ и Тарой на Иртышѣ, отстоящими другъ отъ друга, по прямой линіи, приблизительно, на 550 верстъ, стало наполняться городками (*). Защищать новыя поселенія было, конечно, обязательно для сибирскихъ властей, почему и государственная оборона выдвигалась впередъ, вмѣстѣ съ городками поселенцевъ.

Быстрое движеніе русскаго населенія на югъ было остановлено правительствомъ, вслѣдствіе того, что переселенцы бѣжали съ семействами изъ мѣстъ прежняго своего жительства безъ позволенія. На этомъ основаніи, указомъ отъ 24-го іюня 1683 года, предписано было пермскому, чердынскому и соликамскому воеводѣ Барятинскому устроить въ пристойныхъ мѣстахъ заставы, для осмотра проѣзжихъ грамотъ у переселенцевъ (**).

Въ такомъ положеніи были завоеванія русскихъ на югѣ Сибири, когда Петръ Великій возымѣлъ мысль проникнуть въ Малую Бухарію. Поводомъ къ такому обширному плану послужили извѣстія о золотомъ пескѣ, находимомъ въ Средней Азіи. Эти извѣстія пришли разомъ съ двухъ сторонъ. Въ 1713

(*) Въ 1639 году изъ Тарханскаго городка вышли колонисты, заложившіе вверхъ по Тоболу Ялуторовскъ. Съ этого времени начинается движеніе русскихъ за пограничную черту.

(**) Вслѣдствіи, въ числѣ переселившихся въ Сибирь, оказалось весьма много бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Первоначально правительство затруднилось исполнить просьбы помѣщиковъ о высылкѣ ихъ; но въ 1713 году положено, что все бѣглые крестьяне, водворившіеся въ Сибири до 1719 года и показанные въ сибирскихъ ревизскихъ сказкахъ по это время, остаются на мѣстахъ жительства; помѣщикамъ же они были засчитаны въ рекруты. Тѣ же изъ бѣглыхъ, которые не были записаны въ означенной ревизіи, высылались обратно къ помѣщикамъ.

году, съ восточнаго побережья Каспійскаго моря, пріѣхалъ въ Москву знатный трухменецъ хаджа Неѣсъ и передалъ Петру о существованіи золотаго песку на берегахъ Аму-Дарьи. Когда Неѣсъ находился еще въ Москвѣ, туда прибылъ сибирскій губернаторъ, князь Гагаринъ, съ донесеніемъ, что и въ Малой Бухаріи добывается золото изъ песку рѣки Дарьи. По словамъ Гагарина, жителями города Яркенда, стоящаго на рѣкѣ Дарьѣ, золото перенимается во время полноводія, помощію попонъ, ковровъ и суконъ (*). Онъ доносилъ царю: „Городъ калмыцкій Эркетъ, подъ которымъ, на рѣкѣ Дарьѣ, промышляютъ песочное золото, въ разстояніи отъ Тобольска, по сказкѣ эркетскихъ жителей, что доходятъ изъ Эркета до Тары, въ полтретья мѣсяца не скорою ѣздою, а отъ Тары до Тобольска въ пять дней. И если соизволитъ Ваше Величество промыслъ учинить къ тому мѣсту изъ Тобольска, то кромѣ того не можно, что поселиться городами къ тому мѣсту: того ради, что отъ Ямышева озера и до Еркети кочуютъ калмыки и будутъ противиться, какъ имъ возможно, чтобъ не допустить въ тѣхъ мѣстахъ строить городовъ, дабы онаго промыслу не терять; а по вѣдомости въ тѣхъ мѣстахъ кочуютъ калмыки съ Контайшею 30,000 человекъ (**). Путь къ тому мѣсту лежитъ отъ То-

(*) Яркендъ, самый большой изъ городовъ Малой Бухаріи или восточнаго Туркестана, стоитъ на р. Яркендъ-Дарьѣ, близъ сѣверныхъ отроговъ Куэнь-Луни. По свидѣтельству Валиханова, въ настоящее время въ Яркендѣ 32,000 домовъ. Во время Петра I Яркендъ былъ въ зависимости отъ калмыковъ. Яркендъ-Дарья, на которой онъ стоитъ, беретъ начало изъ озера Саркола и рѣки Тынзавъ, вытекающей изъ ущелій Куэнь-Луни и впадаетъ въ большую рѣку Тарымъ или Тарымтогу, а послѣдняя, въ свою очередь, вливается въ озеро Лобъ-Норъ.

(**) Сынъ Батора-Хонь-Тайцзи, Галданъ, провозглашенный ханомъ по смерти отца, всю свою жизнь стремился къ подчиненію подъ власть ойратовъ остальныхъ монгольскихъ племенъ и къ расширенію вѣдшихъ границъ союза. Соединивъ всѣ калмыцкія племена, онъ обратилъ главное вниманіе на завоеваніе владѣній тѣхъ монголовъ, которые признавали власть Китая. Въ 1680 году Галданъ потребовалъ подчиненія отъ халхасъ-монголовъ и, начавъ съ ними войну, завладѣлъ частію Халха. Точно также овладѣлъ онъ Хухуноромъ. Далѣе, пользуясь семейными раздорами ходжей, онъ подчинилъ своей власти Малую Бухарію. Китай, испуганный непопулярнымъ усиленіемъ ойратства, объявилъ себя защитникомъ князей, у которыхъ были отняты Галданомъ владѣнія; послѣ того столкновеніе между Китаемъ и калмыками стало неотразимымъ. Императоръ Канъ-хи двинулъ противъ Галдана разомъ три корпуса войскъ, которые нанесли ему такія пораженія, что бывший глава ойратовъ, оставленный своими подданными, принялъ лду. По смерти Галдана главою ойратовъ сдѣлался Цеванъ-Раптанъ, его племянникъ. Назначая его ханомъ, китайцы имели въ виду, что Цеванъ Раптанъ всю жизнь преисподовался дядю, отъ котораго долгое время спасался, съ нѣсколькими товарища-

больска до половины рѣки Иртыша, которая рѣка подъ Тобольскомъ, и отъ того на калмыцкое кочевье, гдѣ нынѣ кочуетъ Контайша. И первый городъ надлежитъ дѣлать на помянутой рѣкѣ у Ямышева озера и оттолѣ, усмотря гдѣ надлежитъ, дѣлать иные города. На строеніе оныхъ крѣпостей, такожь и на содержаніе ихъ, кромѣ офицеровъ и инженера, управляться можно изъ Сибирской губерніи. А для той калмыцкой противности надлежитъ быть регулярнымъ двумъ или тремъ полкамъ, и тѣ полки набрать въ Сибири, а къ тѣмъ полкамъ нѣсколько офицеровъ; да къ тому же уфимскіе башкирцы потребны и для того, что отъ Тобольска живутъ въ близости, и людство ихъ не малое и люди конные. О промыслѣ того мѣста, о дѣлѣ городовъ и о уфимскихъ башкирцахъ что Ваше Величество повелитъ.“

Извѣстія, привезенныя единовременно Невесомъ и Гагаринымъ о нахожденіи золотаго песку на берегахъ Сыръ-Дарьи и Дарьи-рѣки, заставили Петра предположить, что Хива и Яркендъ стоятъ на одной и той же рѣкѣ. При тогдашнихъ свѣдѣніяхъ о Средней Азій, было совершенно естественно не знать, что хотя Яркендъ-Дарья и Аму-Дарья и берутъ начало недалеко другъ около друга, но что первая течетъ на востокъ, вторая на западъ и что, наконецъ, меридіаны ихъ углій отстоятъ на 22° или, приблизительно, при средней широтѣ 42°, на 2,500 верстѣ. Точно также было естественно не знать, что Яркендъ лежитъ недалеко отъ сѣверныхъ отроговъ Куанъ-Луны, отдѣленныхъ отъ южной Сибири киргизскою степью, едва проходимымъ Тянь-Шаньскимъ хребтомъ и всею шириною восточнаго Туркестана, что, въ сложности, составить отъ Тобольска болѣе 3,000 верстѣ.

Придавъ, по тогдашнимъ экономическимъ понятіямъ, большое значеніе обладанію золотыми россыпями, находящимися на берегахъ Дарьи-рѣки, Петръ, съ тою смѣлою шириною взгляда, которая характеризовала всѣ его предпріятія, рѣшился овладѣть Яркендомъ, дѣйствуя съ двухъ сторонъ: отъ восточнаго берега Каспійскаго моря и изъ южной Сибири. Страны, лежащія на пути въ Магую Бухарію, по плану царя, должен-

ны, въ пустыняхъ Средней Азій. Передъ смертію Гагана, Цеванъ-Равтанъ прецезель удачное возстаніе противъ своего дяди. Русскіе называли Цеванъ-Равтана Контайшею, потому что, одѣлавшись ханомъ, онъ принялъ титулъ: Эрди-Шурулту-Контайша.

ствовали либо быть покорены, либо заинтересованы въ пользу Россіи. Для исполненія своего намѣренія Петръ приказалъ снарядить двѣ экспедиціи: одну, предназначенную идти отъ береговъ Каспійскаго моря въ Хиву, подъ начальствомъ Преображенскаго полка поручика князя Бековича-Черкаскаго; другую—изъ южной Сибири въ Малую Бухарію, подъ начальствомъ гвардіи капитана Бухгольца.

Въ инструкціи, данной царемъ Бухгольцу, ему приказывалось, пріѣхавъ въ Tobольскъ, взять войска и плыть съ ними по Иртышу до высоты Ямышева озера, гдѣ и заложить городъ. Съ весною слѣдующаго года Бухголецъ долженъ былъ идти по направленію къ Яркенду, закладывая по пути, въ удобныхъ мѣстахъ, редуты для склада провіанта и обезпеченія сообщеній. Гагаринъ, въ дополнительной инструкціи, предписывалъ Бухгольцу: „ежели непріятель не будетъ давать дѣлать крѣпости, то, прося отъ Бога помощи, противиться какъ можно всѣми людьми“.

Про экспедицію Бековича-Черкаскаго Петръ писалъ сенату отъ 29-го 1714 года: „послать въ Хиву съ поздравленіемъ на ханство, а оттоль ѣхать въ Бухару къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее провѣдать про городъ Иркеть“ (*).

Въ началѣ ноября, флотилія съ экспедиціоннымъ отрядомъ, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго, вышла изъ Астрахани въ Каспійское море. Въ рекогносцировкахъ стараго русла Аму-Дарьи и въ снятіи восточнаго берега Каспійскаго моря прошло все навигаціонное время 1715 года. Зимой Бековичъ-Черкасскій возвратился въ Москву, чтобы сообщить царю собранныя имъ свѣдѣнія о Хивѣ и Бухарѣ. Результатомъ этого донесенія было назначеніе новой экспедиціи, подъ начальствомъ Бековича же. Въ инструкціи, данной ему, предписывалось построить крѣпость при старомъ устьѣ рѣки Аму-Дарьи, а потомъ ѣхать къ хивинскому хану, стараясь по пути изслѣдовать высохшее русло, съ тѣмъ, чтобы, если окажется возможность, обратить Аму-Дарью на прежнее теченіе; новое же устье рѣки у Аральскаго моря перекопать плотиною.

(*) Въ 1700 году хивинскій ханъ Шаниазъ просилъ о принятіи его въ подданство Россіи. Петръ объявилъ свое соизволеніе на просьбу Шаниаза. Въ 1714 году находился при русскомъ дворѣ посланецъ, пріѣхавшій изъ Хивы, съ извѣстіемъ о востшествіи на престолъ хана Ширгазы. Бековичу поручалось поздравить его.

Если хивинцы „симъ или инымъ способомъ“ склонятся на сторону Россіи, то просить хана послать своихъ людей, съ двумя русскими, водою по Аму-Дарьѣ, вверхъ до Яркенда.

Извѣстенъ конецъ этой несчастной экспедиціи. Князь Бекевичъ-Черкасскій, исполняя приказаніе царя, дошелъ до Хивы, но тутъ, вслѣдствіе необъяснимой довѣрчивости, раздѣлилъ свой отрядъ на пять частей, чтобы удобнѣе расположить войска на широкія квартиры по окрестностямъ Хивы. Нужно замѣтить, что нѣсколько дней передъ тѣмъ русскіе имѣли кровопролитную стычку съ хивинцами при Айбугирскомъ заливѣ. Какъ только экспедиціонный корпусъ былъ разведенъ по частямъ, хивинцы бросились на русскихъ и частію ихъ истребили, а частію взяли въ плѣнъ. Бекевичу была отрублена голова передъ ханскою ставкою.

Двумя годами ранѣе этой катастрофы, т. е. въ іюлѣ 1715 года, Бухгольцъ отплылъ изъ Тобольска на 59 судахъ, имѣя съ собою два полка пѣхоты и 700 драгунъ. Въ Тарѣ онъ забралъ еще 1,500 конныхъ людей, долженствовавшихъ идти берегомъ, чтобы прикрывать лодки. Экспедиція прибыла къ Ямышеву озеру и въ началѣ октября начала построеніе крѣпости близъ устья рѣки Преснухи (*).

Калмыки не могли, конечно, смотрѣть равнодушно на построеніе крѣпости близъ самыхъ ихъ кочевьевъ. Тогдашній глава ойратства, Цеванъ-Раптанъ или Эрджи-Шурукту-Контайша, несмотря на кровную вражду съ умершимъ дядею и на то, что достигъ власти благодаря китайцамъ, слѣдовалъ точно программѣ Галдана, т. е. стремился къ подчиненію себѣ всей степной полосы Средней Азіи. Успокоивъ Джунгарію, потрясенную событіями, совершившимися передъ смертію Галдана, Контайша началъ удачную для него войну съ киргизскимъ ханомъ Тякою, а въ 1715 году неожиданно бросился на китайскій отрядъ, стоявшій въ Хами, и истребилъ его. Однако Контайша не посмѣлъ идти далѣе и, чтобы увеличить свои силы, вмѣшался въ дѣла Тибета. Полководецъ Контайши, Черенъ-Дондукъ, овладѣлъ Тибетомъ отъ имени хана; но китайцы, зорко слѣдившіе за новыми успѣхами калмыковъ, двинули противъ нихъ нѣсколько отрядовъ, которые, послѣ упорной борьбы, заставили войска Контайши отступить изъ Тибета. Послѣ того онъ

(*) Мало-Ямышевское озеро лежитъ въ 6¹/₂ верстахъ отъ Иртыша.

еще вѣшивался въ раздоры монгольскихъ князей, покровительствуемыхъ Китаемъ.

Подобный энергическій человекъ долженъ былъ затруднить успѣхъ петровскаго предпріятія.

Покуда экспедиціонный отрядъ строилъ крѣпость, Контайша собиралъ войска. На масляницѣ 1716 года, 10,000 калмыковъ, предводимыхъ Черенъ-Дондукомъ, неожиданно приблизились къ Ямышевской крѣпости, захватили лошадей, состоявшихъ при отрядѣ, и ворвались въ самую крѣпость. Когда наша пѣхота и артилерія выбили ихъ оттуда, калмыки обложили крѣпость со всѣхъ сторонъ, а Черенъ-Дондукъ прислалъ Бухгольцу письмо слѣдующаго содержанія: „Черенъ-Дондукъ г. полковнику прислалъ письмо. Напередъ сего Контайша съ великимъ государемъ жили въ совѣтѣ и торговали, и пословались. И прежде сего русскіе люди ѣзживали и города не строивали. Война-де стала, что указу государева о строеніи города нѣтъ, и городъ-де построенъ ложными словами. И прежде сего Контайша жилъ съ великимъ государемъ въ совѣтѣ и будетъ-де война будетъ; и я-де буду жить кругомъ города и людей твоихъ никуда не пушу. Зиму зимовать, и лѣто съ весны до осени со всѣмъ житьемъ буду жить здѣсь, и воеваться, и запасы твои всѣ издержатся, и будете голодны, и городъ-де возьму. И будетъ-де ты не будешь съ войною и ты-де съѣзжай съ мѣста, и какъ прежь сего жили, такъ будемъ и нынѣ жить и торговаться и станемъ жить въ совѣтѣ и въ любви, ежели съ мѣста съѣдешь. И будетъ-де ты войною будешь и ты-де противъ сего письма дай отповѣдь; а которой съ симъ письмомъ посланъ, и онъ-де будетъ доносить тебѣ на словахъ.“ (*)

Бухгольцъ отвѣчалъ, что его послали строить городки по Иртышу съ тою цѣлію, чтобы искать рудокопныхъ мѣстъ, но что отъ того пріязнь между двумя государствами не должна быть нарушена; по поводу же угрозъ Черенъ-Дондука Бухгольцъ послалъ сказать, что онъ необыкъ ихъ бояться.

Блокада продолжалась. Энергія и увѣренность блокируемыхъ стали падать послѣ того, какъ калмыки съ боя овладѣли, недалеко отъ Ямышева, шедшимъ туда караваномъ, принадлежащимъ тобольскимъ, тарскимъ и томскимъ промышленникамъ. Въ этомъ караванѣ было 20,000 р. жалованья, посланнаго Гагариннымъ экспедиціонную корпусу.

(*) Переводъ 1716 года, 21-го февраля.

Вѣсть, посланная губернатору о положеніи отряда, не улучшила дѣла, такъ какъ въ Сибири въ то время былъ большой недостатокъ регулярныхъ войскъ. Вскорѣ русскіе стали терпѣть отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ; къ тому присоединились болѣзни, отъ которыхъ гибло множество людей. Одна изъ этихъ болѣзней была названа въ послѣдствіи сибирскою язвою; отъ другой — цынги — умирало въ Ямышевѣ въ день по 20—30 человекъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, военный совѣтъ, собранный Бухгольцемъ, рѣшилъ отступить. Гарнизонъ Ямышева, уменьшившійся до 700 человекъ, срылъ или уничтожилъ всѣ постройки, сложилъ военные запасы на уцѣлѣвшіе еще досчаники и, нетревожимый калмыками, сталъ отступать внизъ по Иртышу. Остановившись у устья рѣки Оми, Бухгольцъ послалъ Гагарину донесеніе о всемъ случившемся и спрашивалъ разрѣшенія заложить здѣсь крѣпость.

Устройство крѣпости у устья Оми было дѣйствительно необходимо. Съ умноженіемъ поселеній между Курганомъ и Тарою, переселенцы продолжали двигаться впередъ тѣмъ же порядкомъ, какъ это дѣлалось прежде. Поселенія къ югу отъ Тары подались уже на столько къ среднему Иртышу, что были слободы не далѣе сорока верстъ отъ устій Оми. Слѣдовательно, крѣпость при этой рѣкѣ, кромѣ стратегическихъ цѣлей, могла имѣть своимъ назначеніемъ прикрытіе нашихъ южныхъ поселеній. Князь Гагаринъ согласился съ предложеніемъ Бухгольца и прислалъ ему подкрѣпленіе изъ Тобольска. Въ томъ же 1716 году, близъ впаденія рѣки Оми въ Иртышъ, была заложена Омская крѣпость.

Вскорѣ ссора, возникшая между губернаторомъ и Бухгольцемъ, заставила послѣдняго уѣхать изъ Омска въ Тобольскъ, откуда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ; дальнѣйшее же веденіе дѣла возложено на князя Гагарина. Еще во время осады Ямышева губернаторъ вступилъ съ Контайшею въ дипломатическія сношенія, впрочемъ довольно неудачныя, несмотря на присланную изъ Петербурга грамоту царя къ ойратскому хану. Теперь, оставшись полнымъ хозяиномъ экспедиціи, Гагаринъ повелъ дѣла весьма энергично. Начальникомъ отряда, остававшегося въ Омскѣ, Гагаринъ назначилъ подполковника Ступина, человека опытнаго въ военномъ дѣлѣ, а самый отрядъ усилилъ казаками. Ступину было приказано плыть къ Ямы-

шеву озеру и опять построить крѣпость (*); при этомъ ему было предписано не затѣвать ссоръ съ калмыками, даже при нападеніяхъ съ ихъ стороны только обороняться и стараться убѣдить, что у русскихъ нѣтъ враждебныхъ намѣреній противъ ойратства и что строящіяся крѣпости предназначаются къ оборонѣ нашихъ предѣловъ отъ киргизовъ. Въ началѣ 1717 года Ступинъ прибылъ въ Ямышевъ и, не найдя здѣсь калмыковъ, заложилъ правильную крѣпость съ двумя башнями, такъ что новый городокъ скоро сталъ совершенно неприступенъ для среднеазіатцевъ.

Помимо экспедиціи Ступина, Гагаринъ приказалъ боярскому сыну Калмыкову подняться вверхъ по Иртышу до Норъ-Зайсана и доставить необходимыя свѣдѣнія объ озерѣ. Въ подкрѣпленіе отряда, даннаго Калмыкову, были вызваны охотники изъ числа колодниковъ, содержавшихся въ тобольской тюрьмѣ. Нетревожимый ойратами, Калмыковъ въ двѣ недѣли достигнулъ изъ Ямышева до Норъ-Зайсана, построилъ здѣсь большую лодку, осмотрѣлъ на ней озеро и возвратился.

Въ то же время губернаторъ приказалъ тарскому воеводѣ заложить крѣпостцу для обезпеченія сообщеній между Омскомъ и Ямышевымъ. Посланный съ этою цѣлю боярскій сынъ Павелъ Свѣрскій избралъ подъ укрѣпленіе мѣсто на правомъ берегу Иртыша, въ 200 верстахъ отъ Омска и 231 отъ Ямышева. Построенное на этомъ мѣстѣ укрѣпленіе, состоявшее изъ деревяннаго тына, было названо Желѣзинскимъ.

Пока производились всѣ эти работы, губернаторъ послалъ дворянина Василя Чередова съ порученіемъ построить укрѣпленіе выше Ямышева. Въ 1718 году Чередовъ избралъ мѣсто на правомъ же берегу Иртыша и положилъ основаніе крѣпости Семипалатинской (**). Для окончательнаго ея устройства былъ командированъ подполковникъ Ступинъ, который и построилъ здѣсь крѣпость наподобіе Ямышевской (***)).

(*) Еще раньше, съ тою же цѣлю, къ Ямышеву озеру былъ посланъ отрядъ подполковника Матигорова.

(**) Семипалатинская крѣпость получила свое названіе отъ развалинъ семи каменныхъ палатъ, составлявшихъ буддистско-ламайскій монастырь. Въ одной изъ полуразрушенныхъ палатъ русскіе нашли бумажные листы съ тангутскими или тибетскими письменами, которыми написаны всѣ священныя книги буддистовъ.

(***) Первоначально крѣпость была построена на весьма низкомъ берегу рѣки, который былъ окруженъ песчаными горами, поросшими сосновымъ боромъ. Послѣ замѣтили, что гарнизонъ крѣпости очень болѣеть, потому въ 1776 году Семипалатинскъ перенесенъ вверхъ по Иртышу на 16 верстѣ, на мѣсто, гдѣ находи-

Такіе блестящіе результаты были достигнуты безъ столкновеній съ калмыками, потому что послѣдніе были отвлечены въ другую сторону, болѣе серьезными дѣлами. Убѣдившись, что цѣль калмыковъ состоитъ въ соединеніи монгольскихъ племенъ и что эту цѣль они преслѣдуютъ весьма настойчиво, китайцы рѣшились разрушить опасный союзъ ойратовъ. Стараясь повсюду ослаблять калмыковъ, китайцы овладѣли Хамилемъ и Турфаномъ и обнаруживали намѣреніе завоевать всю Малую Бухарію. Съ другой стороны, много разъ побуждаемые, но непокоренные враги калмыковъ, киргизы дѣлали непрерывные набѣги на ихъ земли. Гагаринъ поддерживалъ раздоры среднеазіатскихъ кочевниковъ и находился въ частыхъ сношеніяхъ съ киргизами, такъ что ханы послѣднихъ, Тяжа, Хаибъ и Абдулхайръ, изъявляли готовность подчиниться Россіи. Съ отъездомъ Гагарина въ Москву, куда онъ былъ вызванъ для слѣдствія и суда надъ нимъ, тѣсныя сношенія наши съ киргизами навремя прекратились.

По смѣнѣ Гагарина, Петръ назначилъ начальникомъ экспедиціи генералъ-маіора Лихарева, человѣка, на котораго государь возлагалъ большія надежды. Собственноручнымъ указомъ на его имя, Петръ поручалъ Лихареву: всѣми силами и безпристрастно изслѣдовать незаконныя дѣйствія Гагарина, а также разыскать, какимъ образомъ контайшинцы взяли у Бухгольца Ямышевскую крѣпость (*). Главная же цѣль посылки Лихарева состояла въ томъ, чтобы узнать, по сказкамъ Гагарина и Бухгольца, о яркендскомъ золотѣ и со свѣдущими людьми ѣхать въ новозаложенные крѣпости. Оттуда Лихаревъ долженъ былъ плыть въ Норъ-Зайсанъ и на берегахъ этого озера заложить, если можно, крѣпость. Здѣсь ему надлежало развѣдывать о пути къ Яркенду и искать вершинъ такихъ

лись семь палатъ. (Рукопись капитана Андреева, напечатанная С. Ковалевымъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій и. р. географическаго общества.) На мѣстѣ, выбранномъ Чередовымъ, находится теперь станція Старо-Семипалатинскъ.

(*) Несмотря на чрезвычайныя злоупотребленія, князь Гагаринъ восемь лѣтъ оставался губернаторомъ, благодаря большимъ связямъ съ дворомъ и всею тогдашнею аристократіею. Наконецъ, узнавши истину, Петръ послалъ своего дѣльца объявлять по Сибири, что „Гагаринъ-де воръ и недобрый человекъ и губернаторомъ не будетъ“. Въ 1717 году князь Гагаринъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, судимъ два года и повѣшенъ передъ сенаторомъ, какъ сказано, „за его неслыханное воровство“, раньше еще чѣмъ получено было слѣдствіе, произведенное Лихаревымъ.

рѣкъ, которыя подавались бы къ Норъ-Зайсану и впадали въ Дарью-рѣку или въ Аральское море.

Для единства въ управленіи, вся линія новыхъ крѣпостей была подчинена генералу Лихареву.

8-го мая 1720 года, экспедиціонный отрядъ въ 440 человекъ отплылъ изъ Тобольска на большихъ крытыхъ лодкахъ, нагруженныхъ, кромѣ того, достаточнымъ количествомъ продовольствія. Миновавъ новыя крѣпости, Лихаревъ доплылъ до озера Норъ-Зайсана, проѣхавъ его во всю длину и сталъ подниматься по верхнему или Черному Иртышу.

Калмыки были тогда въ войнѣ съ китайцами и предполагали, что русскіе идутъ помогать послѣднимъ. Хотя Контайша имѣлъ близъ Норъ-Зайсана до 20,000 всадниковъ, подъ начальствомъ сына своего Галдана-Черена, но опасался нападать на русскихъ до тѣхъ поръ, покуда не убѣдился, что китайскія войска еще не приближаются съ востока. Тогда онъ приказалъ не пускать русскихъ далѣе по Иртышу. 1-го августа калмыки атаковали со всѣхъ сторонъ нашъ незначительный отрядъ, въ то время, когда послѣдній, выйдя на берегъ, отправлялъ водосвятіе. Лихаревъ мужественно отбилъ нападеніе и, окруженный съ трехъ сторонъ непріятелемъ, продолжалъ двигаться вверхъ по рѣкѣ. Отрядъ шелъ по обоимъ берегамъ, прикрывая лодки. Два дня продолжался бой. Русскіе, благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ Лихарева, почти не теряли людей; калмыки же, которыхъ громили 19 орудій, состоявшихъ при экспедиціи, несли весьма чувствительныя потери. Однако на третій день явилось неожиданное препятствіе, остановившее движеніе Лихарева. По мѣрѣ того, какъ экспедиція поднималась выше, рѣка мелѣла болѣе и болѣе, представляя едва одолимыя препятствія для плаванія, и лодки непрерывно становились на мели. Это обстоятельство заставило Лихарева вступить съ калмыками въ переговоры, которые онъ отвергалъ нѣсколько разъ. Заключивъ перемиріе, Лихаревъ свидѣлся съ Галданомъ-Череномъ и обмѣнялся съ нимъ подарками. Русскіе обѣщались плыть назадъ и успокоили калмыковъ завѣщеніемъ, что они не дѣйствуютъ заодно съ китайцами, а калмыки, въ свою очередь, обязались не тревожить нашъ отрядъ во время обратнаго его движенія.

Проплывъ Норъ-Зайсанъ и часть средняго Иртыша, Лихаревъ остановился на томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ она, прорвавшись

сквозь отроги Алтайскихъ горъ, принимаетъ тихое теченіе по степи. Еще слѣдуя впередъ, начальникъ экспедиціи замѣтилъ это мѣсто и полагалъ построить здѣсь крѣпость, долженствовавшую поддерживать связь между укрѣпленною линіею на Иртышѣ и предполагаемою крѣпостію на Норъ-Зайсанѣ. Теперь, убѣдившись, что на низкихъ, песчаныхъ или заросшихъ камышемъ берегахъ озера нѣтъ ни одного пункта, удобнаго для построения крѣпости, Лихаревъ рѣшился усилить оборонительныя средства Иртыша построениемъ укрѣпленія на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ остановленъ экспедиціонный отрядъ. Крѣпостца названа Усть-Каменогорскою потому, что она была заложена на мѣстѣ, гдѣ оканчиваются Каменные горы и гдѣ Иртышъ, вырвавшись изъ нихъ, разливается по степи.

Положивъ основаніе Усть-Каменогорску, Лихаревъ командировалъ изъ Семипалатинска подполковника Ступина для довершенія постройки, а самъ, по болѣзни, уѣхалъ въ Петербургъ.

Поискомъ Лихарева на Норъ-Зайсанѣ оканчивается рядъ экспедицій для отысканія пути въ Ярендѣ. Хотя цѣль, предложенная Петромъ, и не была достигнута, тѣмъ не менѣе результаты экспедицій оказались очень полезными для Сибири. Съ учрежденіемъ укрѣпленій по Иртышу, часть нашей границы прикрывалась съ юга, и сообщеніе Западной Сибири съ городками по верхней Оби, Катунѣ и Бѣи, расположенными восточнѣе Барабинской степи, стало удобно и безопасно.

Впрочемъ, и послѣ того, какъ возвращеніе средняго Иртыша стало невозможнымъ для калмыковъ, они не переставали заявлять свои права на земли, занятыя русскими. Контайша требовалъ не только срытія крѣпостей, построенныхъ на Иртышѣ, но доказывалъ, что и Барабинская степь принадлежитъ ойратамъ. Поддерживая слово дѣломъ, онъ продолжалъ посылать доверенныхъ лицъ въ Барабу, которая теперь входила уже глубоко въ наши предѣлы, для сбора ясака съ тамошнихъ татаръ (*). Между тѣмъ, вѣроятно не безъ вѣдома своего главы, калмыціи шайки переходили, извѣстными имъ путями, Алтайскія горы, собирали также здѣсь ясакъ съ нашихъ подданныхъ, живущихъ по сѣвернымъ предгоріямъ, и грабили русскіе заводы. Иногда они простирали свои грабежи даже до окрестностей

(*) Чтобы дать какую-нибудь охрану барабинскимъ татарамъ, въ 1722 году, по дорогѣ изъ Тары до Томска, проложенной черезъ Барабу, построены небольшія укрѣпленія: Тартасское, Кавинское и Убинской-Пасъ.

Кузнецка, такъ что принудили озаботиться постройкою укрѣпленій при каждомъ заводѣ. Укрѣпленія строились и содержались на счетъ владѣльцевъ заводоѡвъ, но не представляли твердаго оплота, потому что были разбросаны безъ всякой системы и отдѣлены другъ отъ друга бездорожіемъ, а иногда и большимъ разстояніемъ. На основаніи сказаннаго, въ 1738 году, начата, по высочайшему повелѣнію, постройка укрѣпленій, предназначенныхъ для обороны нынѣшней Томской губерніи (*).

Калмыки понимали, что если Томская губернія успѣетъ прикрыться рядомъ укрѣпленій, подобныхъ построеннымъ на Иртышѣ, то ихъ притязанія на южную Сибирь потеряютъ всякій смыслъ, и потому настоятельно заявляли свои права. Галданъ-Черенъ, сынъ Контайши и глава ойратовъ съ 1727 года, нѣсколько разъ требовалъ срытія нѣкоторыхъ укрѣпленій; его настоянія стали особенно рѣшительными по окончаніи войны, которую онъ велъ съ Китаемъ (**). Не получая удовлетвореній, Галданъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Россією, а передовые калмыцкіе отряды, перейдя Алтай, сожгли заведенія при двухъ рудникахъ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, количество войскъ въ Сибири было увеличено и назначенъ особый начальникъ всѣхъ сибирскихъ пограничныхъ линій, генерал-маіоръ Киндерманъ. Чтобы не довести дѣлъ до войны, правительство уже готово было срыть Усть-Каменогорскую крѣпость и очистить предгорія Алтая, занятые русскими заводами. Къ

(*) Въ этомъ году построены укрѣпленные форпосты: Бійскій въ 210 верстахъ отъ Кузнецка, на правомъ берегу рѣки Бѣл, близъ ея соединенія съ Катунью; Вьюрскій на Оби, въ 244 верстахъ отъ Бійскаго форпоста, и Малышевскій, въ 134 верстахъ ниже Вьюрскаго. Бійскій форпостъ соединился съ Кузнецкимъ острогомъ посредствомъ укрѣпленныхъ карауловъ.

(**) По вступленіи на престолъ, Галданъ-Черенъ прежде всего обезопасилъ себя родственными союзами съ соседними владѣтелями и потомъ уже объявилъ войну Китаю. Калмыки были такъ счастливы, что въ 1730 году совершенно истребили, при Хотонъ-Норѣ, китайскій корпусъ въ 20,000 человекъ, посланный въ Джунгарію. Послѣ того полководцы ойратовъ, Черенъ-Дондукъ старшій и Черенъ-Дондукъ младшій, вторгнулись въ Халху. Однако на другой же годъ, осенью, самъ Галданъ-Черенъ потерпѣлъ такое пораженіе отъ восточныхъ монголовъ, что долженъ былъ заключить съ китайцами миръ, на невыгодныхъ для себя условіяхъ. Окончивъ войну на востокѣ, Галданъ-Черенъ рѣшился наказать киргизовъ, беспокоившихъ калмыцкія земли во время борьбы съ Китаемъ. Калмыки двинулись на западъ и, истребляя все на своемъ пути, прошли всѣ киргизскія земли до Урала. Только внимательство нашего правительства заставило калмыковъ отступить въ свои предѣлы. Послѣдніе годы жизни Галдана-Черена были ознаменованы внутренними смутами.

счастью, Галданъ-Черенъ умеръ въ 1745 году. Послѣ того не могло быть и рѣчи о разрушеніи Усть-Каменогорска, тѣмъ болѣе, что Демидовъ открылъ уже заводы при впаденіи рѣки Шульбы въ Иртышъ, т. е. между Семипалатинскомъ и Усть-Каменогорскомъ.

Имѣя въ виду беззащитное положеніе нашихъ границъ и изложенныя выше обстоятельства, Киндерманъ построилъ рядъ укрѣпленій отъ рѣки Шульбы на соединеніе съ бійскою линіею. Эти укрѣпленія, начинаясь немного ниже Усть-Каменогорска, шли въ сѣверо-восточномъ направленіи, пересѣкая рѣки Убу, Чарышъ, Ануй и Обь, близъ слиянія Віи съ Катунью; далѣе граница направлялась по бійской линіи и караулами соединялась съ Кузнецкомъ. Часть оборонительной линіи отъ Иртыша до Оби получила названіе колыванской; линія же укрѣпленій по Віи до Кузнецка названа кузнецкою линіею.

Западнѣе Иртыша наша граница тоже весьма долго не была обезпечена. Пограничный рубежъ хотя и двигался впередъ за поселеніями, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе быстраго распространенія русскихъ поселенцевъ въ странѣ между Иртышемъ и Тоболомъ, никогда не охраняла ихъ надлежащимъ образомъ. Государственная граница начиналась у Тобола (выше кургана) и шла къ Омску глубоко-вогнутою къ сѣверу дугою. Земледѣльцы разрабатывали землю южнѣ этой линіи и, чтобы обезопасить себя отъ киргизовъ, ходили на работу вооруженными партіями, къ которымъ начальство принуждено было придавать еще конвой.

Къ этому времени оренбургское вѣдомство устроило уже пограничную линію по рѣкѣ Уѣ. Съ другой стороны, иртышская, колыванская и кузнецкая линіи прикрывали тогда другія части Западной Сибири, такъ что рядъ укрѣпленій между Омскомъ и р. Тоболомъ менѣе всего удовлетворялъ своему назначенію. Вслѣдствіе того, правительство приказало заняться вопросомъ объ обезпеченіи сказанной части границы. Одинъ изъ плановъ, составленныхъ съ этою цѣлію геодезіи поручикомъ Шишковымъ и премьеръ-маіоромъ Сташкѣвымъ, обратилъ на себя особенное вниманіе. Составители проекта предлагали провести линію укрѣпленій отъ Омской крѣпости черезъ Ишимскую степь, по ближайшему направленію къ урочищу на рѣкѣ Тоболѣ, называемому Звѣриною Головою. На этотъ проектъ были сдѣланы весьма дѣльные замѣчанія со сто-

роны инженеръ-подполковника Кутузова, который, между прочимъ, доказывалъ, что въ мѣстности, предполагаемой къ занятію подъ оборонительную линію, очень много соляныхъ и горькихъ озеръ и, вѣроятно, мало прѣсной воды. Въ 1746 году сенатъ возвратилъ генералу Киндерману проектъ Шишкова и поручилъ ему, совокупно съ сибирскимъ губернаторомъ Соймоновымъ, рассмотреть, въ какой степени вѣрны замѣчанія Кутузова. Киндерманъ одобрилъ проектъ, сдѣлавъ только въ немъ небольшія измѣненія. Въ 1752 году проектъ Шишкова утвержденъ согласно съ мнѣніемъ Киндермана, и тогда же начата постройка крѣпостей: Покровской, Николаевской, Лебязьей, Полуденной, Петропавловской, Становой, Прѣсновской, Кабаньей, Прѣсногорьковской и Звѣриноголовской. Всѣ эти крѣпости были окончены въ три года и составили такъ называемую ишимскую линію. Для содержанія на ней кордона было прислано два полка.

Новая пограничная линія выдвинулась впередъ на 50—200 верстъ отъ старой и прошла по землямъ, принадлежавшимъ прежде киргизамъ. Длина ея отъ Омска до Звѣриноголовскаго укрѣпленія составляла 579 верстъ. Къ несчастію, замѣчанія подполковника Кутузова оказались какъ нельзя болѣе справедливыми, и ишимская или, какъ ее называютъ казаки, „горькая“ линія теперь страдаетъ недостаткомъ хорошей прѣсной воды.

Между тѣмъ, на границѣ нашей произошли чрезвычайно важные перевороты. Со смертію Гадана-Черена начались кровавыя распри въ ханскомъ семействѣ, которыя кончились тѣмъ, что дальній родственникъ хановъ, князь Амурсана, бѣжалъ къ китайцамъ въ 1754 году и просилъ у нихъ помощи противъ Давація, тогдашняго главы ойратовъ. Императоръ Цянь-Лунъ возвелъ Амурсану въ званіе князя первой степени и двинулъ въ Джунгарію армию для поддержанія его претензій. Китайскій полководецъ Ваньди, не сдѣлавъ выстрѣла, разогналъ приверженцевъ Давація, схватилъ его самого и въ кѣлѣкѣ отправилъ въ Пекинъ, а Амурсану посадилъ на ханство. Но послѣдній не думалъ быть китайскимъ васаломъ, а хотѣлъ полной и независимой власти. Замѣтивъ, что цѣль китайцевъ состоитъ въ разьединеніи ойратскаго союза, Амурсана выждалъ, когда Ваньди, отправивъ всѣ войска въ Китай, остался только съ незначительнымъ отрядомъ, и напалъ на него. Китайцы, со своимъ полководцемъ, были истреблены до послѣдняго человѣка. Бог-

дыханъ двинулъ опять свои войска въ Джунгарію. Послѣ двухлѣтнихъ усилій, китайцы заставили Амурсану бѣжать сначала къ киргизамъ, а потомъ въ Сибирь. Въ томъ же 1757 году онъ умеръ въ Тобольскѣ отъ оспы.

Покоренная Джунгарія была раздѣлена на четыре части, превращенныя въ китайскія провинціи; но такъ какъ калмыки произвели новое возстаніе, то три китайскія арміи получили отъ пекинскаго двора приказаніе пройти всю возставшую страну огнемъ и мечемъ. Это приказаніе было исполнено буквально въ 1758 году. Волѣ милліона калмыковъ разнаго пола и возраста было убито манжуро-китайскими солдатами и вся страна опустошена въ-конецъ. Спасшіяся калмыцкія семейства бѣжали либо въ Сибирь, гдѣ большею частію перекрестились и поселились въ Семипалатинскѣ, либо къ своимъ собратіямъ волжскимъ калмыкамъ.

Послѣ истребленія большей части калмыковъ, земли, занимаемыя ими до тѣхъ поръ, опустѣли; киргизы, жившіе прежде только на части нынѣшней своей территоріи, съ дозволенія китайскаго правительства, ринулись на востокъ и заняли всѣ степи отъ Урала до Чернаго Иртыша и озера Ала-Куля. Джунгарія собственно была удержана въ непосредственномъ подчиненіи китайскаго правительства и заселена манжурскими племенами сибо и солонами, переведенными сюда съ береговъ р. Амура, оставшимися въ живыхъ калмыками, нѣсколькими тысячами малобухарцевъ, переведенныхъ изъ Кашгаріи въ Джунгарію подъ именемъ таранчей, и ссыльными со всего Китая.

Сибирскій губернаторъ Мятлевъ не умѣлъ воспользоваться этими безпорядками, чтобы утвердиться на Норъ-Зайсанѣ и обезпечить разъ навсегда нашу границу естественными рубежами. Когда же ойратство было разрушено, китайское правительство стало во враждебныя къ намъ отношенія. Прежде всего оно просило выслать тѣло Амурсаны въ Кяхту, чтобы убѣдиться въ смерти этого „злодѣя и бунтовщика“. Коллегія иностранныхъ дѣлъ предписала мѣстнымъ властямъ исполнить требованіе китайцевъ. Впослѣдствіи китайцы протестовали по поводу принятія русскими нѣкоторыхъ калмыцкихъ старшинъ, бѣжавшихъ въ наши предѣлы; съ нашей стороны тоже объявленъ былъ протестъ, за вступленіе китайскаго войска къ теленгутамъ, кочевавшимъ у Телецкаго озера. Ободренный необычайно счастливымъ завоеваніемъ всѣхъ калмыцкихъ владѣній, пекин-

скій дворъ обнаруживалъ готовность поддерживать свои требованія у Россіи оружіемъ. Наше правительство встревожилось и двинуло въ Сибирь нѣсколько конныхъ полковъ на подкрѣпленіе имѣвшихся тамъ войскъ. Въ Петербургѣ была учреждена особая специальная конференція для приведенія сибирской границы въ оборонительное состояніе, и туда посланы (въ 1759 году) инженеры съ нужными инструментами.

Послѣ устройства ишимской линіи, самая доступная часть границы была у Алтайскихъ горъ. На нее-то и обратила конференція свое вниманіе. Мѣстное начальство признало удобнымъ охранить наши заводы проведеніемъ оборонительной линіи не отъ Усть-Каменогорска, какъ предполагалось прежде, а отъ устья рѣки Бухтармы (впадающей выше, съ правой стороны, въ Иртышъ) прямою линіею къ Телецкому озеру. Покуда офицеры производили рекогносцировки береговъ Бухтармы, а мѣстное начальство находило затрудненія въ исполненіи этого плана, императрица Екатерина II послала генераль-поручика Шпрингера начальникомъ всѣхъ сибирскихъ линій. Въ инструкціи, данной Екатериною Шпрингеру, она напомнила, что правительство всегда имѣло въ виду постепенно вводить во владѣніе Россіи земли, простирающіяся до озера Норъ-Зайсана. Шпрингеръ прибылъ въ Сибирь въ 1763 году. Все, что онъ сдѣлалъ для выполненія намѣреній правительства, состояло въ посылкѣ рекогносцировочнаго отряда на Норъ-Зайсанъ; впрочемъ, и это было предписано императрицею, требовавшею непрерывной посылки командъ въ озеро, чтобы приучить китайцевъ къ появленію русскихъ въ тѣхъ мѣстахъ. Гораздо дѣятельнѣе былъ Шпрингеръ по приведенію границъ въ оборонительное состояніе. Верхъ-иртышскія крѣпости, въ томъ числѣ и Усть-Каменогорскъ, приведены были въ лучшее состояніе и расширены. Несмотря на то, наша оборона въ южной части Томской губерніи не имѣла той необходимой непрерывности, которая только и обезпечиваетъ въ дикихъ и мало населенныхъ странахъ. Между тѣмъ, всѣ офицеры, которымъ поручена была рекогносцировка береговъ Бухтармы, возвратились съ донесеніемъ, что въ пустынныхъ Алтайскихъ горахъ нѣтъ достаточнаго количества пунктовъ, удобныхъ подъ проектированныя укрѣпленія. Потому дѣло объ обезпеченіи нашихъ южныхъ предѣловъ затнулось бы, вѣроятно, на очень долго, если бы живые факты не опровергли, какъ бываетъ весьма часто, теоретическія возрѣвія и не.

доказали возможности проведенія оборонительной границы по рѣкѣ Бухтармѣ.

По этой рѣкѣ давно уже поднимались наши развѣдочныя рудокопныя партіи, открывшія мѣстороженіе серебряной руды между Бухтармою и Нарымомъ. Еще раньше, въ горы, прилегающія къ Бухтармѣ, проникли русскіе бѣглые солдаты и раскольники. Укрываясь въ недоступныхъ и дикихъ горныхъ ущельяхъ по берегамъ рѣкъ: Бухтармы, Бѣлой, Тихой и Нарыму, они поселились тутъ со своими семействами и образовали нѣсколько селеній, занимавшихся рыболовствомъ, звѣрловствомъ и хлѣбопашествомъ. Китайцы приняли ихъ подъ свое особенное покровительство, снабжали хлѣбомъ въ неурожайные годы и позволяли ловить рыбу по Иртышу и Норъ-Зайсану. Испытавъ на дѣлѣ трудность захватить бѣглыхъ, помощію высылаемыхъ для того командъ, новый пограничный начальникъ, генералъ Страндманъ, рѣшился склонить ихъ къ раскаянію. Посланные имъ съ этою цѣлію два довѣренныя лица обошли девять селеній, составленныхъ изъ бѣглыхъ, которые изъявили согласіе возвратиться къ повиновенію, подъ условіемъ полной амнистіи и оставленія на мѣстахъ жительства. Въ 1792 году имъ даровано прощеніе, и новоподавшіяся селенія обложены ясакомъ.

Послѣ того явилась необходимость прикрыть эти селенія укрѣпленіями, почему, въ годъ подданства бѣглыхъ, въ трехъ верстахъ выше отъ впаденія рѣки Бухтармы въ Иртышъ, заложена была крѣпость Бухтарминская, а наши посты выдвинуты вверхъ по рѣкѣ Иртышу до устья рѣки Нарыма. Отсюда посты протянулись по правому берегу Нарыма до впаденія Малой Нарымки. Генералъ Страндманъ расчистилъ сухопутное сообщеніе между Усть-Каменогорскомъ и Бухтармою, такъ что тамъ, гдѣ прежде едва проходили вьюки, могли проѣзжать возы съ провіантомъ. Въ то же время укрѣпленные посты по пути отъ Усть-Каменогорска до устья рѣки Бухтармы были заселены казаками.

Китайцы опять протестовали противъ заложения Нарымскаго пикета. Страндманъ, полагавшій, что настойчивость съ нашей стороны можетъ повести къ разрыву, приказалъ снести Нарымскій пикетъ на двѣ версты назадъ. Такая неумѣстная уступчивость сама по себѣ уже нарушала освященное временемъ и даже сознаниемъ пекинскаго двора право русскихъ на бассей-

ны всѣхъ рѣкъ, текущихъ въ Ледовитый океанъ, почему была принята китайцами какъ официальное признаніе ихъ притязаній на спорные пункты. Уступка Страндмана подала поводъ къ щекотливой перепискѣ, возникшей между высшими пограничными китайскими властями и иркутскимъ губернаторомъ, генераломъ Нагелемъ. Придавая дѣлу о Нарымскомъ пикетѣ съ намѣреніемъ много торжественности, они писали ему, что наши офицеры хотѣли захватить часть китайской территоріи, но что, убѣжденные манжурскими чиновниками, сознались въ своей неправотѣ. Послѣ того всякое новое заведеніе по Нарыму, даже постройка казармъ вмѣсто земляногъ, на занятыхъ уже мѣстахъ (какъ это было въ 1808 году), приводило въ волненіе пограничные китайскіе караулы и вызывало со стороны ихъ властей сопротивленіе, основанное на признанномъ русскими правѣ.

Бухтарминская линія, занимавшая доступное пространство отъ устья р. Бухтармы до Мало-Нарымскаго укрѣпленія, обезпечивала южные предѣлы Томской губерніи, потому что пространство между Мало-Нарымскомъ и бійскою линіею занималя неприступныя Алтайскія горы.

Съ распространеніемъ укрѣпленій до р. Нарыма составились двѣ оборонительныя линіи, обѣ шедшія отъ Усть-Каменогорска: колыванская и бухтарминская; первая оставшаяся далеко позади пограничной обороны, оказалась, съ теченіемъ времени, ненужною.

Такимъ образомъ, въ началу XIX столѣтія, оренбургская, ишимская, ыргышская, бухтарминская и бійская пограничныя линіи составили неразрывный рядъ крѣпостей, редутовъ и форпостовъ, которые прикрыли Западную Сибирь съ юга и Европейскую Россію съ востока.

Около того же времени всѣ разноплеменные поселенцы западно-сибирскихъ оборонительныхъ линій были переименованы въ казаки и подчинены однимъ законамъ (*). Первымъ атама-

(*) Съ 1716 по 1720 годъ, при учрежденіи прииртышскихъ крѣпостей, къ послѣднимъ было приписано до 800 душъ служилыхъ людей; вполнѣдствіи, въ ожиданіи войны съ Галданомъ-Череномъ, въ Сибирь двинуто пять регулярныхъ полковъ, часть которыхъ была расположена по ыргышской линіи. Спустя пятнадцать лѣтъ, вслѣдствіе серьезныхъ недоразумѣній съ китайцами, къ линейнымъ казакамъ присоединены донскіе казаки и регулярныя части изъ башкировъ и мещеряковъ. Съ того же года началось добровольное переселеніе крестьянъ, вызванныхъ изъ разныхъ уѣздовъ Сибири. Въ 1761 году населеніе ыргышской линіи

номъ Сибирскаго казачьяго войска былъ полковникъ Телятниковъ.

Такъ какъ число войска непрерывно усиливалось новыми, приписывавшимися къ нимъ поселенцами, то скоро крѣпости, редуты, форпосты и караулы, занимаемые казаками, обратились въ богатые и обширныя слободы, потерявъ сами собою свое первоначальное чисто-военное значеніе.

Впрочемъ, окончательное проведеніе границъ не остановило движенія русскаго населенія вездѣ, гдѣ наши предѣлы не примкнули къ естественнымъ рубежамъ. На юго-востокѣ русскіе достигли долиною Иртыша до озера Норъ-Зайсана; на югѣ они переступили условно-проведенную ишимскую линію и распространились въ киргизской степи.

Хотя, согласно опредѣленной трактатами границѣ, озеро Норъ-Зайсанъ оставалось за Китаемъ, тѣмъ не менѣе, фактически, оно давно уже стало принадлежать русскимъ, а именно жителямъ береговъ Иртыша и Бухтармы. Какъ наши первые поселенцы, на югѣ Сибири, шли всегда впереди государственной границы, такъ, въ послѣднее время, казаки, поднимаясь по Иртышу выше и выше, наконецъ утвердились на Норъ-Зайсанѣ и открыли здѣсь вторую войсковую рыбалку (*). Еще

усилено арестантами, занимавшимися прежде починою и построениемъ крѣпостей, и оставшими нижними чинами изъ полковъ, расположенныхъ въ Сибири, съ отводомъ послѣднимъ по 20—30 десятинъ земли. Вскорѣ послѣ того въ составъ линейныхъ казаковъ вошла небольшая часть запорожцевъ. Въ 1775 году переименованы въ казачье сословіе есылыные, водворенные не въ дальнемъ отъ линіи разстояніи. При императорѣ Павлѣ I къ казакамъ приписано 2,000 малолѣтковъ изъ дѣтей солдатъ, служившихъ въ Тобольской губерніи. Въ 1846 году въ составъ Сибирскаго казачьяго войска вошли крестьяне, жившіе въ деревняхъ, лежащихъ вблизи линіи, а три года спустя къ теориторіи войска присоединены еще 42 слободы, съ населеніемъ въ 5,830 душъ мужскаго пола. Послѣдними штатами, въ Сибирское казачье войско дозволено поступать всѣмъ русскимъ и киргизамъ, съ соблюденіемъ некоторыхъ формальностей. Въслѣдствіе приведенныхъ мѣръ, русское народонаселеніе по окраинамъ Западной Сибири и внутри киргизскихъ степей разрослось до значительной цѣны. Въ 1808 году линейныхъ казаковъ считалось всего 6,200 человекъ; въ 1841 году казачье населеніе размножилось до 48,331 душъ обоюго пола; въ 1864 году, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ управленіи регулярныхъ войскъ, на земляхъ Сибирскаго казачьяго войска жило 109,983 души, въ томъ числѣ 56,030 мужчинъ и 53,653 женщины. Изъ общаго числа населенія считалось 2,561 иногородныхъ и разночинцевъ обоюго пола; остальная же часть состояла изъ казачьяго сословія.

(*) Въ 1798 году было предписано исправлять дорогу отъ Усть-Каменогорска до Бухтармы на деньги, вырученныя отъ отдачи на откупъ казенной рыбалки, находившейся на Иртышѣ выше кр. Бухтармы; но такъ какъ охотниковъ на взятіе въ откупъ этой рыбалки не оказалось, то она въслѣдствіи передана войску, съ

въ 1822 году рыбалка на Норъ-Зайсанѣ и Черномъ Иртышѣ распространилась и стала совершенно гласнымъ учрежденіемъ, безмолвно признаннымъ китайцами. Съ того времени войско стало нарядать на рыбалки, наводящіеся въ китайскихъ предѣлахъ, резервныя назавовъ, для ловли и соленія рыбы.

Тарабагатайскимъ протоколомъ, подписаннымъ въ 1864 г., съ нашей стороны русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ, г. Захаровымъ, а со стороны китайцевъ илйскимъ генералъ-губернаторомъ, озеро Норъ-Зайсанъ и часть верхняго Иртыша отошли къ Россіи. Хотя, вслѣдствіе серьезныхъ безпорядковъ въ западномъ Китаѣ, новая государственная граница не получила еще значенія факта, тѣмъ не менѣе приобрѣтеніе озера было естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ предъидущихъ нашихъ стремленій съ этой стороны.

Оренбургская и ишимская линіи, искусственно проведенныя либо по среди степи, такой же точно, какъ и та, которая разстилалась за границею, либо едва прикрытыя небольшими рубежами, менѣе другихъ частей границы могли остановить распространеніе русскаго населенія.

Пограничная линія Россіи съ Среднею Азіею дѣлаетъ по серединѣ изгибъ, отклоняющійся на сѣверъ почти на шесть градусовъ, такъ что наши поселенія охватили съ трехъ сторонъ киргизскій народъ, распространившійся, по паденіи ойратства, до Алтайскихъ горъ. Уже одно это обстоятельство должно было повести къ тому, что русскіе, обороняя границу отъ киргизскихъ набѣговъ—а оборонять страну отъ нападений дикарей значить дѣйствовать противъ нихъ активно — должны были подчинить себѣ всѣ киргизскія орды.

Изложенный очеркъ нашихъ отношеній къ калмыкамъ и китайцамъ, имѣвшій послѣдствіемъ занятіе Иртыша и образованіе ишимской линіи, былъ главною, но не единственною причиною распространенія русскихъ въ Средней Азіи. Имѣя въ виду, что настоящая статья вышла длинна и, вѣроятно, скучна, считаю за лучшее отложить навремя разсказъ о другихъ причинахъ, заставившихъ русскихъ распространиться до Сыръ-Дарьи и Тянь-Шаня; теперь же закончу нѣсколькими словами о судьбѣ прииртышскихъ поселеній.

Со времени своего основанія иртышская оборонительная линія, чтобы дорога отъ Усть-Каменогорска до Бухтармы постоянно исправлялась казаками.

нѣ составляла часть Сибирской губерніи, занимавшей всю тогдашнюю Азіатскую Россію; но въ 1783 году она вошла въ составъ новообразованнаго Колыванскаго намѣстничества. Шестнадцать лѣтъ спустя, это намѣстничество было уничтожено, и иртышская линія причислена къ Тобольской губерніи. Въ 1822 году образована Омская область, въ которую вошли всѣ станицы и крѣпости, по Иртышу расположенныя, и опять черезъ шестнадцать лѣтъ онѣ присоединены къ Тобольской губерніи.

Въ 1854 году, при открытіи Семипалатинской области, киргизы, кочующіе на правомъ берегу Иртыша, съ городами Семипалатинскомъ, Усть-Каменогорскомъ, укрѣпленіемъ Бухтарминскимъ и селеніями по Иртышу, отъ укрѣпленія Желѣзинскаго до Малоарской станицы, вошли въ составъ этой области.

16-го ноября мы выѣхали изъ Павлодара и, берегомъ Иртыша, направились въ Семипалатинскъ. Дулъ порывистый юго-западный вѣтеръ, поднявшій на рѣкѣ большую волну. По степи, пустынной и ровной, вѣтеръ носилъ массу крупнаго песка. Кучи перекапи-поля быстро двигались по степи, точно живыя существа. Встрѣтивъ на пути неровность, они дѣлали неловкій скачокъ и продолжали катиться съ прежнею быстротою. На противоположномъ берегу Иртыша порывистый вѣтеръ поднялъ въ воздухъ четыре высокихъ песчаныхъ смерча, которые вертѣлись и двигались параллельно другъ друга. Это было очень далеко отъ дороги. Сквозь туманъ, мелкій дождикъ и вѣтеръ, бросавшій въ лицо камешки и крупный песокъ, можно было только разсмотрѣть, что всѣ четыре смерча были очень высоки и совершенно одинаковой величины. Повременамъ казалось, будто они стоятъ неподвижно; только мелкая пыль, отрываясь отъ столбовъ, отлетала по направленію вѣтра, точь-въ-точь дымки отъ ружейной перестрѣлки. Болѣе 20 минутъ вертѣлись они на мѣстѣ, потомъ стали приближаться къ рѣкѣ, въ которой, вѣроятно, и пропали.

Во время путешествій по степямъ, намъ нѣсколько разъ приходилось переправляться черезъ Иртышъ. Большою частію великая рѣка бурлила, шумѣла и пѣнилась. По ней обыкновенно ходили высокія свинцовыя волны, хлеставшія въ берегъ съ шумомъ, подобнымъ морскому прибою. Разъ даже, именно въ половинѣ прошлаго года, за часъ до нашего пріѣзда къ переправѣ между Тюкалинскомъ и Омскомъ, волны оборвали

длинную полосу песчаного берега до сажени шириною. И то сказать: трудно себя вообразить иначе большую сибирскую рѣку и такую, въ которой утонулъ Ермакъ.

На другой день вѣтеръ стихъ. Въ первый еще разъ мы увидѣли Иртышъ текущимъ спокойно и тихо по своему широкому руслу. Мѣстами берега рѣки заросли густою чащелоубника и березы. На деревьяхъ, поднявъ перья и нахохлившись, неподвижно сидѣли стаи тетеревей. Кое-гдѣ изъ середины рѣки торчали огромные валуны, свидѣтельствующіе о прошлой ея силѣ. Луговой берегъ Иртыша видѣлся на большое протяженіе въ глубь степи, весь покрытый десятками тысячъ стоговъ сѣна, принадлежащихъ казакамъ.

Отъ Омска до Семипалатинска и далѣе до Усть-Каменогорска, весь правый берегъ Иртыша усаженъ казачьими поселеніями, отстоящими другъ отъ друга на почтовый перегонъ. Всѣ они либо преобразовались изъ укрѣпленій, построенныхъ русскими на Иртышѣ въ XVIII столѣтіи, либо основаны поселенцами, вышедшими изъ первоначально устроенныхъ слободъ. Прѣвзжая такимъ оживленнымъ путемъ, можно забыть, что ѣдешь по степи. Прииртышные жители очень зажиточны. Благо состояніе станицъ выражается не опрятностію внутри домовъ— въ Сибири нѣтъ русскихъ, какъ бы они бѣдны ни были, которые не отличались бы самою щепетильною опрятностію — а общимъ видомъ достатка и благосостоянія. Своимъ богатствомъ казаки обязаны кормильцу-Иртышу. Несмотря на то, что казаки мало работаютъ и мало пашутъ, они находятъ источникъ безбѣднаго существованія въ богатыхъ лугахъ лѣваго берега, которые дѣлятся между всѣми русскими жителями станицъ. Скопивъ свой участокъ, казакъ знаетъ, что обезпеченъ на цѣлый годъ, и хлѣбомъ и чаемъ — этою существенною потребностію каждаго сибиряка — а скота у всякаго вдоволь.

Исторія приобрѣтенія Сибирскимъ казачьимъ войскомъ луговой стороны Иртыша весьма любопытна.

При устройствѣ сибирскихъ линій требовались особыя мѣры къ удержанію киргизовъ отъ хищническихъ набѣговъ, которымъ подвергались не только прилинейные жители, но и горнозаводскія селенія, далеко за Иртышемъ. На этомъ основаніи, командовавшій всѣми сибирскими линіями генералъ-поручикъ Шпрингеръ, въ инструкціи, данной комендантамъ крѣпостей, отъ 31-го декабря 1765 года, между прочимъ, говоритъ:

„чтобы киргизъ-кайсаи, какъ сами вочевномъ, такъ и скотеніе ихъ табуны держались своей стороны и до нашихъ крѣпостей ближе десяти, а покрайней мѣрѣ пяти верстъ, со взысканіемъ отъ нихъ лучшихъ людей аманатами, отнюдь не приближались“.

Вслѣдствіе этого циркуляра, весь лѣвый берегъ Иртыша на десятиверстное разстояніе сталъ въ непосредственное подчиненіе къ линейному начальству.

Съ теченіемъ времени сосѣдніе къ линіи киргизы сблизились съ русскими и, узнавъ на опытъ выгоды спокойной и мирной жизни, прежде другихъ обратились къ покровительству русской власти. Вскорѣ они стали обращаться за фактическою помощію и вооруженною защитою противъ баранты и хищничества дальнихъ киргизовъ. Наше правительство не только приняло подъ свою охрану тѣхъ изъ киргизовъ, которые просили нашего покровительства, но даже, чтобы совершенно обезопасить наиболѣе преданныхъ изъ нихъ, предоставило имъ право кочевать на правой сторонѣ Иртыша, на пустопорожнихъ земляхъ Кулунджинской степи. За подобное покровительство было справедливо требовать нѣкотораго вознагражденія. Рескриптомъ на имя генералъ-лейтенанта Нефедьева, отъ 7-го августа 1800 года, императоръ Павелъ I постановилъ, чтобы съ киргизовъ, приходящихъ въ наши предѣлы, собиралось со ста лошадей по одной, годной на ремонтъ драгунскихъ полковъ; съ прочаго же скота собирать такую же подать въ пользу госпиталей и полковъ, на линіи расположенныхъ.

На основаніи циркуляра Шпрингера и рескрипта императора Павла, линейное начальство стало собирать ремонтную пошлину съ киргизовъ, прикочевывавшихъ ближе десяти верстъ и къ лѣвому берегу Иртыша. Мотивомъ тому служила охрана, доставляемая прикочевывавшимъ киргизамъ отъ набѣговъ и грабежей отдаленныхъ племенъ. Съ превращеніемъ прииртышскихъ жителей-поселенцевъ въ казаки, войсковое начальство стало собирать ремонтную пошлину въ пользу войска. Съ открытіемъ округовъ въ степяхъ сибирскаго вѣдомства въ 1824 году, всѣ вообще киргизы были обложены ясакомъ. Рядомъ энергическихъ усилій безпорядки и баранта были уничтожены и повсемѣстно въ степяхъ водворено спокойствіе. Несмотря на то, прилинейные киргизы, кромѣ ясака, равнаго для всѣхъ, продолжали платить ремонтную пошлину въ пользу Сибирскаго казачьяго войска за право кочеванія въ прибрежномъ десятиверстномъ

пространствѣ. Впослѣдствіи ремонтная пошлина была замѣнена дешевой повинностію, съ особыми подраздѣленіями платы за мѣста подъ лѣтнія и зимнія стойбища. Въ настоящее время ремонтная пошлина, собираемая Сибирскимъ войскомъ, достигаетъ 15,000 р. с. въ годъ.

Такимъ образомъ, весь лѣвый берегъ Иртыша, по исторически сложившемуся праву, достался казачьимъ поселеніямъ, расположеннымъ на правомъ берегу. Огромная полоса земли по лѣвому берегу Иртыша, называемая „десятиверстнымъ разстояніемъ“, состоитъ почти вся изъ богатыхъ заливныхъ луговъ. (*) Луговые мѣста разбиты на участки или пай, которые ежегодно, по жребію, распределяются между жителями ставищъ, смотря по чину. Косить участки не трудно. За самую ничтожную плату, сотни киргизскихъ рукъ всегда готовы къ услугамъ казаковъ. Сѣно, скошенное съ нѣсколькихъ павъ, даетъ совершенно безбѣдное и обеспеченное существованіе. Полезно или вредно для развитія богатства и распространенія цивилизаціи такое, постоянно обеспеченное, положеніе русскихъ поселеній по Иртышу, предоставляю рѣшить другимъ.

Въ городъ Семипалатинскъ мы пріѣхали очень холодною ночью. Въ пустынныхъ улицахъ дулъ сильный холодный вѣтеръ, бросавшій въ дома крупнымъ пескомъ. Въ окнахъ коегдѣ свѣтились тусклые огоньки, освѣщая полосами улицу и давая видѣть массы песку, носимаго вѣтромъ. Первое впечатлѣніе было самое неприятное; тѣмъ не менѣе Семипалатинскъ самый большой и богатый городъ въ Киргизской степи.

Въ 1747 году, при Семипалатинской крѣпости, бывшей на мѣстѣ нынѣшняго города, считалось всего двѣ души разнощичей (**), но десять лѣтъ спустя близъ крѣпости стали селиться калмыки, бѣжавшіе отъ китайскихъ войскъ, которые опустошали въ то время Джунгарію и рѣзали всѣхъ возмущившихся, безъ разбора пола и возраста. Вѣглецы приняли христіанство и русскія фамиліи, чѣмъ объясняется совершенно монгольскій типъ лица у многихъ семипалатинскихъ жителей. Впослѣдствіи Семипалатинскъ, какъ и вся прииртышная линія, населялся и добровольно прибывавшими поселенцами, и лицами, приписан-

(*) Ваго изъ записки „О десятиверстномъ разстояніи“, составленной полковникомъ Гутковскимъ (нынѣ генералъ-маіоръ).

(**) По второй переписи Сибирской губерніи, произведенной генераломъ Черцовымъ.

ныни къ слободамъ, по распоряженію правительства. Крѣпость переименована въ уѣздный городъ Колыванскаго намѣстничества въ 1783 году. Въ послѣднее время въ Семипалатинскъ переселилось много татаръ изъ Вятской и Казанской губерній и изъ Тюмени. Точно также здѣсь появилось много тагъ называемыхъ ташкинцевъ, т. е. выходцевъ изъ средне-азіятскихъ владѣній. Мусульмане живутъ въ лучшей части города и придали Семипалатинску восточную физіономію. Теперь въ городѣ считается до 1,500 домовъ, населенныхъ 9,000 жителей. Лучшее зданіе города—мечеть, построенная, какъ мнѣ говорили, по рисунку Тона. Архитектура мечети замѣчательно граціозна и легка. Съ ея высокихъ минаретовъ видѣнъ весь Семипалатинскъ съ окрестностями до далекихъ горъ Семитау. Потемнѣвшія деревянные крыши города жмутся другъ около друга точно семейство грибовъ, пріютившееся на удобномъ для себя мѣстѣ. Изъ массы крышъ выпрыгиваютъ въ семи или восьми мѣстахъ деревянные минареты другихъ мечетей, некрасивые и неопрятные. Отъ сѣро-грязнаго цвѣта всего Семипалатинска рѣзко отличаются двѣ каменные православныя церкви, изъ которыхъ одна довольно красива. На западѣ протекаетъ Иртышъ, разбившійся на нѣсколько рукавовъ, съ островами на немъ, поросшими лозою, березою, топодемъ и черемухою. Это любимыя мѣста гуляній семипалатинской публики.

Для жизни Семипалатинскъ не можетъ быть приятенъ. Зимой морозъ доходитъ иногда до 34°, а лѣтомъ жары—до 31° въ тѣни по Реомюру. Постоянный юго-юго-западный вѣтеръ, срывающій песокъ съ береговъ Иртыша, острововъ и отмелей, заноситъ городъ цѣлыми подвижными горами. Зимой тотъ же вѣтеръ нагоняетъ сильныя бураны и заваливаетъ улицы глыбами снѣга. Будто для того, чтобы дать вѣтру побольше простора, посреди города оставлена большая площадь, обнесенная перилами, которые чуть выглядываютъ изъ-подъ песку. Эту площадь вотъ уже десятокъ лѣтъ тщетно стараются обсадить какинн-то-деревьями.

При всѣхъ такихъ неудобствахъ, Семипалатинскъ важный торговый пунктъ въ киргизскихъ степяхъ сибирскаго вѣдомства. Торговля города начала особенно развиваться послѣ договора съ Китаемъ, на основаніи котораго въ Кульдѣжъ и Чугучакъ открыты наши факторіи и русскимъ купцамъ дозволено посѣщать эти города. Несмотря на стѣснительныя для торговли

условія, въ 1854 году черезъ здѣшнюю таможенную провезено товара на 2,500,000 р. сер. Кромѣ того, кругомъ Семипалатинска имѣла дѣятельная контрабанда, остановить которую было нельзя, по невозможности охранять обширныя степныя границы. Развитіе Семипалатинска пріостановилось въ 1855 году сожженіемъ въ Чугучагѣ факторіи съ товарами русскихъ купцовъ, такъ что въ слѣдующемъ же году торговый оборотъ упалъ до 800,000. Къ 1862 году торговля стала опять поправляться, какъ вдругъ въ западномъ Китаѣ вспыхнуло возстаніе китайскихъ мусульманъ противъ манджурскихъ властей. Вслѣдствіе этого возстанія, наши консулы принуждены были выѣхать изъ Кульджи и Чугучага, а факторіи разорены во время борьбы инсургентовъ съ манджурами. Съ того времени торговля Семипалатинска стала падать: въ 1864 году оборотъ ея не превышалъ милліона рублей серебромъ.

По обской системѣ ходитъ много пароходовъ, но постоянныя, хотя и неопредѣленные, рейсы между Тобольскомъ и Семипалатинскомъ поддерживаются только семью пароходами (*). До возстанія дунгеной, изъ Семипалатинска въ Тобольскъ и Тюмень, по Иртышу, Оби, Тоболу и Турѣ отправлялся китайскій товаръ; теперь же, съ паденіемъ этой торговли, внизъ по Иртышу идутъ кожи, сырье и графитъ, съ прісковъ Мамонтова и Самсонова, находящихся въ Сергіопольскомъ округѣ. Отъ Павлодарской пристани возятъ внизъ соль, ежегодно не менѣе 500,000 пудовъ, добываемую изъ Коряковского озера, лежащаго въ 25 верстахъ отъ Павлодара. Изъ Тюмени и Тобольска посылаютъ въ Семипалатинскъ и попутные города красный товаръ. Если вода въ Иртышѣ высока, то пароходы, несмотря на ихъ дурное устройство, поднимаются до Семипалатинска; въ противномъ же случаѣ выгружаются у Павлодара, а далѣе товаръ везется гужемъ.

Изъ Семипалатинска мы продолжали ѣхать берегомъ Иртыша къ Усть-Каменогорску. Вскорѣ восточная сторона пустыни начала темнѣть: это показала окрестность такъ называемаго Шульбинскаго бора. Протягиваясь къ рѣкѣ ближе и ближе, онъ распространяется наконецъ по всему правому берегу Иртыша. Шульбинскимъ боромъ мѣстные жители называютъ

(*) По официальнымъ свѣдѣніямъ за 1862 годъ, въ предѣлахъ Тобольской губерніи по Иртышу, Тоболу и Турѣ прошло 120 пароходовъ, 320 судовъ, 1,192 плота, при 13,865 рабочихъ, и перевезено товаровъ на 19,991,166 рублей.

сплошную массу дремучихъ лѣсовъ, покрывающихъ всю прииртышскую систему Алтайскихъ горъ. Названіе свое боръ получилъ отъ рѣки Шульбы, впадающей съ правой стороны въ Иртышъ (у Шульбинской станицы).

Вблизи устья рѣки Убы оба берега Иртыша чрезвычайно живописны. Великая рѣка разбивается здѣсь на нѣсколько рукавовъ, отчего должна становится широкою и захватываетъ огромное пространство земли. По окраинамъ долины торчатъ небольшіе каменные пики странной формы, темные, лишены растительности, придающіе всему ландшафту пустынный и дикій характеръ. Съ высокаго правого берега Иртыша вся эта картина, съ блестящими зигзагами рукавовъ, на которые разбѣгается рѣка, островами, обширными поемными лугами, заставленными стогами сѣна, кажется будто на ладони.

Отсюда почва начинаетъ вскалмливаться. На обонхъ берегахъ появляются значительныя отдѣльныя возвышенія—послѣднія предгорія Алтайскихъ горъ; далѣе горизонтъ стѣсняется болѣе и болѣе и привольная ширина степнаго ландшафта замѣняется картиною красивой холмистой мѣстности. Недалеко отъ Усть-Каменогорска весь правый берегъ Иртыша занятъ горами, подходящими къ самой дорогѣ. За ними толпились другія вершины, болѣе значительной высоты; еще болѣе отдаленныя горы были покрыты снѣгомъ, выпавшимъ наканунѣ въ горахъ, благодаря позднему времени года. Ихъ синеватобѣлыя вершины выглядывали изъ-за всего этого хаоса горъ и холмовъ, рѣзко отдѣлая силуэты болѣе низкихъ темныхъ вершинъ.

Усть-Каменогорскъ весьма опрятный городокъ, менѣе чѣмъ въ 4,000 жителей, имѣвшій однако въ 1864 году за 500,000 годоваго оборота. Городъ построенъ при впаденіи рѣки Ульбы въ Иртышъ, тамъ, гдѣ послѣдняя рѣка, стѣсненная до тѣхъ поръ горами, разливается по широкому простору степей. Отъ Усть-Каменогорска же, вверхъ до Бухтармы, Иртышъ сдвигается въ своемъ теченіи высокими гранитными скалами, между которыми онъ порывисто мечется и рвется какъ дикій звѣрь, торопясь къ устью Каменныхъ горъ. Говорятъ, многіе виды въ горной долинѣ Иртыша поразительны своею величественною красотою.

Несмотря на стремительное теченіе въ тѣснинѣ, рѣка доступна для барожъ, на которыхъ и доставляется серебряная

руда изъ Бухтармы въ Усть-Каменогорскъ.. Переправляясь черезъ Иртышъ, мы могли замѣтить цѣлыя горы этой руды, сложенныя на правомъ берегу недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ вырывается изъ горъ.

Усть-Каменогорскъ лежитъ недалеко отъ китайской границы. Известно, что теперь въ предѣлахъ поднебесной имперіи идетъ одна изъ тѣхъ внутреннихъ революцій, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ и, къ счастью, никогда не будутъ имѣть понятія. Тамъ происходитъ, въ настоящее время, ожесточенная борьба двухъ религіозныхъ системъ, что въ Азіи равносильно двумъ государственнымъ системамъ: магометанской съ одной стороны, буддизма и конфуціанства съ другой. Западно-китайскіе номады—магометане или буддисты—принимаютъ, по своему, дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, т. е. грабятъ другъ друга и своихъ враговъ. Вооруженный грабежъ, по преимуществу угонъ скота, обыкновенное средство среднеазиатской войны; въ нѣкоторыхъ запутанныхъ спорныхъ случаяхъ онъ даже допускается степнымъ обычнымъ правомъ. Если грабежъ можетъ быть узаконенъ обычаемъ, онъ называется барантою. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, путемъ соглашенія и мировыхъ сѣздовъ, нельзя достигнуть примиренія ссорящихся, баранта, произведенная въ обширныхъ размѣрахъ на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, нарушаетъ обыкновенно спокойствіе цѣлой страны. Дѣйствительно, ограбленные номады, не видя никакихъ средствъ вознаградить себя, угоняютъ скотъ у своихъ ближайшихъ и болѣе слабыхъ сосѣдей; послѣдніе поступаютъ точно также относительно другихъ, и баранта распространяется на далекое разстояніе во всѣ стороны. Такъ камень, брошенный въ воду, нарушаетъ спокойствіе поверхности, и далеко во всѣ стороны идутъ круги отъ зыби, произведенной всплескомъ удара.

Понятно, что наша пограничная черта, прикасающаяся къ странѣ, гдѣ владычествуютъ страшная рѣзня и баранта, не можетъ оставаться покойною; понятно, слѣдовательно, также почему при выѣздѣ изъ Усть-Каменогорска наши тарантасы были окружены конвойными казаками.

Дорога изъ Усть-Каменогорска въ Коппенты, перейдя на лѣвый берегъ Иртыша, сейчасъ же поднимается на Калбинскій хребетъ, составляющій продолженіе Алтайскихъ горъ. По мѣрѣ того, какъ мы взѣзжали выше, изъ-подъ дѣрна чаща и чаща

стали выглядывать сперва скалцы, а потомъ гранитъ. Обру-
ленные вершины, покрытыя травою, загибались гольцами, изъ-
за которыхъ глядѣли фантастически выточенные каменные греб-
ни, казавшіеся то темными и сумрачными, то свѣтлыми, будто
полупрозрачными. Мы большею частію ѣхали по узкой долинѣ
Аблайкитки, весело журчавшей посреди нависшихъ надъ нею
скалъ. Тамъ, гдѣ ручей просачивался сивозъ недоступныя тре-
щины между горъ, мы дѣлали объѣзды и съ грѣхомъ попо-
ламъ тащились по голому граниту, составляющему дно какой-
нибудь тѣснины, обставленной высокими стѣнами вывѣтривша-
гося гранита. Экипажъ прыгалъ по неровному пути, и, по-
временамъ, лошадямъ нужно было дѣлать необычныя усилія,
чтобы встаскивать его по натуральной гранитной лѣстницѣ.
Съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ я на нашъ поѣздъ,
когда экипажи снова вытягивались въ долину Аблайкитки.
Одинъ за другимъ показывались тарантасы изъ узкой щели
сѣраго гранита. Глядя на нихъ, на одежду и лица проѣзжаю-
щихъ, на всю неазиатскую ихъ обстановку, невольно думалось
о полнѣйшемъ диссонансѣ поѣзда съ безлюднымъ спокойствіемъ
едва обитаемыхъ горъ. Кругомъ тарантасовъ гарцовали каза-
ки, ободря лошадей громкими криками. Чуткое эхо вторило
но горамъ и долинамъ дикіе воли, и долго еще потомъ пу-
стынные ущелья передразнивали живые звуки и перешепты-
вались странно-измѣненными голосами, будто удивляясь такому
нежданному количеству проѣзжихъ.

Къ вечеру мы раздѣлились. Нашъ предсѣдатель съ однимъ
изъ членовъ поѣхали прямо на ночлегъ, а Г. и я рѣшили
отправиться осматривать развалины, извѣстныя подъ именемъ
аблайкитскихъ палатъ. Нанявъ верховыхъ лошадей, мы вдвоемъ,
сопровождаемые конвойнымъ казакомъ, переводчикомъ и тремя
киргизами, изъ которыхъ одинъ довольно хорошо говорилъ
по-русски, поѣхали къ развалинамъ. Тарантасу мы тоже при-
казали слѣдовать за нами и ждать насъ на берегу Аблайкитки.
Пошелъ мелкій, но настойчивый дождикъ. Вершины скалъ одѣ-
лись обрывами тучъ. По ущелью Аблайкитки порывисто по-
несся вѣтеръ, гоня передъ собою песокъ и мелкій щебень.
Прежде чѣмъ добраться до развалинъ, мы успѣли уже поряд-
комъ промокнуть.

Аблайкитскія развалины расположены на правомъ берегу
Аблайкитки, называвшейся прежде Себою и получившей на-

стоящее ими отъ развалинъ. Мѣсто пустынно и дико. Около столпились высокія горы, голыя, обнаженныя, покрытыя по гранату гранитными же развалинами. Отдѣльная скала, къ которой примкнули развалины, обрывисто выступаетъ въ долину и доступна только отъ одной стороны—отъ ручья; съ другихъ же сторонъ она ограничивается крутымъ обрывомъ, отвѣсно идущимъ до самой долины. Скала обнесена со всѣхъ сторонъ стѣною, въ сажень высотой, сдѣланною изъ плитняга. Охватывая доступную отъ ручья покатость, стѣна поднимается у обрывовъ наверхъ и смыкается тамъ, образуя такимъ образомъ длинную и надежную непрерывную ограду. Кое-гдѣ на стѣнѣ растутъ небольшія деревья. Внутри ограды находятся остатки двухъ развалинъ, или, лучше сказать, двѣ кучи чрезвычайно твердаго кирпича, со слѣдами известковаго цемента. Тутъ же валяются хорошо глазурованные черепки, съ какими-то на нихъ украшениями.

Аблайкитъ—развалины буддійскаго монастыря и резиденціи калмыцкаго (хошоутскаго) хана Аблая (*). Онъ основанъ въ XVII столѣтіи. Аблай былъ разбитъ главою калмыцкаго ойратства Галданомъ въ 1671 году, вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Астрахань, гдѣ и умеръ. Развалины его резиденціи были открыты партією усть-каменогорскихъ охотниковъ при Петрѣ I. Охотники нашли здѣсь множество тангутскихъ или тибетскихъ рукописей, которыя и были пересланы въ парижскую академію. Впослѣдствіи ученые русскіе путешественники вывели изъ развалинъ другія рукописи.

Осматривая аблайкитскія развалины, приходимъ къ убѣжденію, что главная цѣль, руководившая архитекторомъ при выборѣ мѣста подъ резиденцію Аблая и при постройкѣ, была чисто-военная. Дѣйствительно, Аблайкитъ заключалъ самъ въ себѣ всѣ элементы, нужные для упорной обороны. На полу-скалѣ, въ натуральной систернѣ, находится глубокое озеро сажень въ семь длину и сажени въ двѣ шириною. По покато-сти растетъ трава, которая, при значительности пространства, окваченнаго оградю, была способна прокармливать нѣкоторое количество барановъ. Стѣна охраняетъ всю скалу, утолщаясь въ мѣстахъ, подверженныхъ нападенію. Все это, вмѣстѣ съ крѣпкою постройкою стѣны и средствами атаки, существовав-

(*) Китъ—по-тибетски значитъ монастырь.

лиши тогда въ Средней Азій, должно было дѣлать Абхазитъ весьма сильною крѣпостію.

Говорить, что подъ развалинами фундаментовъ есть еще своды, въ которыхъ предполагаютъ спрятаннымъ оружіе и другія вещи абхазскаго періода. Компания, образовавшаяся въ Семипалатинскѣ, хотѣла произвести раскопки на мѣстѣ развалины; но мѣстное начальство не дозволило ей приступить къ работѣ.

Мы порядкомъ промокли, а между тѣмъ холодный вѣтеръ усиливался; потому мы почли за лучшее сдѣлать остающіяся до ночлега 20 верстъ верхомъ, чѣмъ ежиться отъ холода въ тарантасѣ и дремать подъ вой вѣтра въ ущельяхъ. Стало темно, когда мы переѣхали на горы лѣваго берега. Отъ тучъ, затянувшихъ небо, наступила та сѣрая мгла, которая обыкновенно непроницаемѣ темноты. Такія ночи въ Крыму весьма обыкновенны. Будто для увеличенія сходства, только что осмотрѣнныя полуразрушившіяся горы и развалины напомнили предгорія Яйлы, съ византийскими и генуэзскими на нихъ развалинами. Почти ровно десять лѣтъ тому назадъ, въ подобныя сѣрыя ночи, мы чуть слышно выходили изъ севастопольской ограды, чтобы, вблизи непріятельскихъ работъ, заложить нѣсколько самовзрывныхъ фугасовъ... „Такая разбойничья ночь—сказалъ я товарищу, ѣхавшему около—была бы находкомъ въ Севастополь.“ Заслышавъ, что рѣчь идетъ о разбойникахъ, киргизъ, бывшій съ нами, попросилъ сдержать лошадей и не очень опережать тарантасъ. „Здѣсь народъ джаманъ (*)—полюбилъ онъ—темною ночью любить разбойничать, особенно байджигить (**). Это большой разбойникъ. Онъ не боится приказа, потому что кочуетъ въ Китаѣ.“

Вѣтеръ усиливался вмѣстѣ съ сѣрою темнотою. Нѣсколько разъ мы теряли дорогу, принимая полусвѣтлую поверхность гранита за полосу дороги. Мы ѣхали по Бата-горѣ. Съ вершины ея стало видно нѣсколько огоньковъ, мигавшихъ внизу—признакъ близости аула. Пока вниманіе было обращено на эти огоньки, мнѣ показалось, что нѣсколько человекъ тихо говорятъ у самой дороги съ навѣтренной стороны. Почти въ то же время мы отчетливо услышали сильный шорохъ, будто

(*) Джаманъ—дурной.

(**) Киргизское племя Средней орды, кочующее, близъ нашихъ границъ, въ предѣлахъ Китая.

отъ большого числа лошадей, быстро двигаясь по высокой грядѣ. Тогда же со стороны шерепа яственно послышались разговоръ и пошуканье. „Что это такое?“ спросили мы у киргиза. Онъ крикнулъ въсколько разъ по направлению шороха. Разговоръ прекратился, но шорохъ продолжался по прежнему. Мы остановились. Вѣтеръ рвалъ сорывами со стороны прогоняемаго табуна. Мы услышали теперь, въ вѣсколькихъ шагахъ отъ себя, ошканье многихъ лошадей, шумъ отъ движенія, два, три короткихъ слова. На вторые громкіе ошканья нашего киргиза ошатъ нѣтъ отвѣта; лишь вѣсколько голубовъ стали усердно пошукать табунъ, который и почелъ прибавленною рысью. Въ это время подѣхалъ нашъ тарантасъ. Одинъ изъ киргизовъ, слѣдовавшихъ при немъ, былъ посланъ узнать въ чемъ дѣло. Прошло вѣсколько минутъ. Мы услышали каіе-то крики. Посланный киргизъ вернулся и сталъ что-то рассказывать нашему проводнику взволнованнымъ голосомъ. Выслушавъ его, послѣдній передалъ намъ слѣдующее: „Это баранта изъ Китая. Только подѣхавъ къ самымъ барантамъ, нашъ парень замѣтилъ, что разбойники вооружены пиками и сюлами (*). Онъ спросилъ ихъ, откуда ѣдутъ; но барантачи сами стали допрашивать, кто такой провожаетъ. Нашъ киргизъ отвѣтилъ, что онъ провожаетъ „генераловъ“. Барантачи поговорили между собою, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „передай своимъ генераламъ, что мы у нихъ ничего не брали и чтобы они, покуда цѣлы, ѣхали своею дорогою“. Потомъ разбойники гикнули на украденный табунъ. По одеждѣ парень узналъ, что они байджигаты. Намъ показалось неудобнымъ дозволить разбойникамъ прогонять отбитый въ нашихъ предѣлахъ табунъ, такъ сказать, подъ носомъ русскихъ офицеровъ. Потому мы вынули изъ тарантаса ружья и послали одного киргиза въ аулъ, чтобы, на основаніи дѣйствующихъ постановленій, пригласить все мужское населеніе преслѣдовать баранту. Посланный весьма скоро вернулся и пояснилъ, что мужичья въ аулѣ нѣтъ. Тогда мы приказали ѣхать тарантасу въ аулъ, сами же, взявши казаковъ и трехъ киргизовъ, порядочно вооруженныхъ нашимъ оружіемъ, поскакали во всю прыть за барантою. Сдѣлавъ версты три, мы встрѣтили зимовку. Посланный туда киргизъ нашелъ въ ней людей, которые сказали,

(*) Сюль — родъ длинной деревянной дубины.

что баранта тутъ не проѣхала. Темно было по прежнему. Направо и налево поднимались горы. Можетъ быть, черезъ нихъ и лежать удобные пути; но какъ знать, гдѣ они? Разосланные въ три стороны киргизы, возвращаясь изъ своихъ поисковъ, объяснили, что слѣда баранты, за темнотою и вѣтромъ, нельзя замѣтить. Мы поѣхали назадъ и, ориентируюсь на огонь аула, нашли у одной юрты тарантасъ. Войдя въ нее, мы съ удивленіемъ увидѣли, что она наполнена киргизами-мужчинами... За полночь мы добрались до Саганскаго пикета. Здѣшнимъ казакамъ удалось захватить одного байджигита, отставшаго отъ разбойничей шайки.

А. Е. ГЕЙНСЪ.